МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
КСЕНИЯ ЛИТА
ИСТИННАЯ ПОНЕВОЛЕ

Марина Эльденберт
Истинная поневоле

https://litres.ru/74207267

Аннотация

Люди и вервольфы живут на разных полюсах. Это закон, которого придерживаются старейшины вот уже множество столетий. Все потому, что мы генетически несовместимы, и у такой пары не может быть детей. Но что, если это неправда? Может ли обычная женщина стать истинной парой вервольфа? И позволит ли мир нам с Домиником быть вместе?

Вторая книга дилогии. Продолжение романа «Любовница поневоле».

НОВИНКА ПО МИРУ!

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 17
ГЛАВА 3 41
ГЛАВА 4 62
ГЛАВА 5 91
Конец ознакомительного фрагмента. 103

ГЛАВА 1

— Значит, ты хочешь обсудить приготовления к нашей свадьбе.

Собственные слова: все, что я хотела сказать, застывает на губах вместе со вздохом. Поэтому я упускаю преимущество внезапности. Хотя какая тут внезапность? Доминик сверкает глазами, а Одри оборачивается, смерив меня фирменным высокомерным взглядом. Они оба наверняка почувствовали и услышали меня еще в приемной. Она услышала. Не сомневаюсь, про свадьбу волчица тоже сказала нарочно.

Только Доминик не спешит ее поправлять. Он вообще смотрит волком и интересуется:

— Шарлин, что ты здесь делаешь?

Я оглядываюсь на Оуэна и Венеру: первый в замешательстве, вторая — в ужасе, и прикрываю за собой дверь.

— Так вас можно поздравить? Уже выбрали дату?

Одри открывает рот и мигом закрывает, когда со стороны альфы слышится утробное рычание. Вот только я здесь точно не для разговоров о чьей-то свадьбе, поэтому шагаю вперед.

— Нам нужно поговорить.

— Мы можем сделать это позже.

Ну нет! С Одри станется ради такого дела затянуть обсуждения счастливого события.

— Нет, сейчас, — говорю твердо.

— Я занят.

— Она подождет. — Я очаровательно улыбаюсь волчице, которая, судя по виду, готова меня загрызть, не перекидываясь. — Правда, Одри? Твоя невеста просто душка.

— Шарлин. — Вот вроде и голоса не повысил, а уже готов вмиг шерстью покрыться.

Кажется, нападение вервольфов и похищение Хантером положительно на меня повлияло, потому что меня больше не пугает ярость Доминика. У меня теперь совсем другие страхи и опасения.

— Я хочу с тобой поговорить, — повторяю я. — Срочно и наедине.

Видимо, вервольф тоже понимает, что проще со мной согласиться, чем продолжать играть в гляделки и рычать на меня. Ну или рассчитывает придушить без свидетелей. Потому что он отодвигает кресло в сторону и направляется к боковой двери, явно ведущей не в приемную.

— Иди за мной.

Когда он отворачивается, Одри готова испепелить меня взглядом, но я отвечаю ей взаимностью и следую за Домиником.

За неприметной дверью скрывается кабинет в кабинете. Достаточно большая комната без окон, с пейзажами на стенах, с двумя широкими диванами и журнальным столиком между ними. Она будто создана для секретных бесед, или

для того, чтобы подремать в обед.

— Это очень личный разговор. Уверен, что нас не подслушают?

— Здесь звукоизоляция.

Значит, с секретными беседами я угадала. Хотя если честно, мне уже плевать — подслушает нас Одри или нет. Я обхожу диван, стараясь оказаться от Доминика как можно дальше.

— Что ж, поздравляю, — говорю я.

— С чем? — хмурится вервольф.

— С будущей свадьбой, конечно же. С тем, что ты все-таки определился со своими симпатиями.

— Ты прекрасно знаешь о моих симпатиях.

Его взгляд в который раз вонзается в меня с силой отточенного лезвия, но я стряхиваю его.

— Нет, не знаю. Я вообще тебя не знаю, Доминик. Ты говоришь, что можешь не жениться, но не спешишь разрывать помолвку. Вообще интересная постановка предложения «я могу не жениться». Могу не жениться, а могу жениться. Могу даже обсудить свадьбу с будущей женой. Ты вообще очень могучий!

С последним предложением я почти срываюсь на крик, поэтому мысленно одергиваю себя. Надо успокоиться. Я здесь не за этим.

— У тебя была возможность узнать меня, Шарлин, — несмотря на исходящую от него злость, которую я чувствую

кожей, голос у Доминика спокойный. — Ты от нее отказалась.

Я киваю на дверь в кабинет.

— И ты быстро нашел мне замену?

— Это теперь тебя не касается.

— А что касается?!

Между нами диван и пару метров комнаты, но ощущение такое, что целый квартал, а может, город.

— Зачем ты здесь? — спрашивает Доминик.

Я должна рассказать про ребенка, но слова снова застревают в горле. Понимаю, что просто не могу этого сделать. Не после того, что здесь услышала.

— Если я выполнила обязательства по сделке, то я хочу сегодня же вернуться в свою квартиру.

Больше всего на свете хочу этого!

— Это невозможно. Пока Кампала ведет свою игру, тебе лучше оставаться в безопасности. А мой дом — самое безопасное место.

И наблюдать за его приготовлениями к свадьбе? Точно нет!

— Установи охрану. Пусть сидят у меня на кухне, но я хочу…

— Нет, — отрезает он, — я поклялся тебя защищать. Это не обсуждается.

Вот теперь я приближаюсь к нему, останавливаюсь в шаге и запрокидываю голову, пытаясь рассмотреть в глазах этого

чужого мужчины того, с кем я смеялась, играла в снежки, бегала на пляже. Которого впустила в свое сердце. Осознание, что я влюбилась в Доминика такое сильное и внезапное, что от этого больно вдвойне.

Правда, я люблю Доминика, а не этого бессердечного хищника!

— Тебе нравится издеваться надо мной? — интересуюсь я.

— Тот же вопрос к тебе, Шарлин.

И о чем нам еще говорить?

Я отворачиваюсь, потому что в груди печет от тех чувств, которые сейчас горят во мне. От всего невысказанного.

— Это все? — спрашивает Доминик.

— Да, — не раздумывая, отвечаю я.

— Тогда я не стану тебя задерживать.

Намек более чем прозрачен, поэтому я, не глядя на счастливую невесту, вылетаю из кабинета. Натыкаюсь на Оуэна и Венеру и сворачиваю к туалетам.

Нет, меня не тошнит — попросту нечем. Но пульс грохочет в ушах, и не получается вздохнуть. Я силюсь, но ничего не выходит. Поэтому я просто врубаю кран с холодной водой на полную и плещу ею в лицо. Умываюсь до тех пор, пока это все не проходит. Боль внутри не проходит.

Только затем выключаю воду и смотрю на отражение.

— И что ты будешь делать? — спрашиваю у себя.

Легкий шорох со стороны заставляет вскинуть голову. На

пороге стоит Одри, только смотрит на меня без торжества. В ее взгляде замешательство и неверие.

Она принюхивается и все-таки спрашивает:

— Ты… беременна?

Лучше бы это была Венера. Или Оуэн. На крайний случай, Доминик. Хотя что последнему делать в женском туалете? Но он мог пойти за мной, чтобы… Чтобы что? Он свое мнение насчет меня уже высказал.

Его невеста — последняя, кому я бы хотела рассказывать про малыша. А выходит, и рассказывать не нужно? К счастью, потому что все, чего я хочу — чтобы она поскорее отсюда убралась.

— Это очень странная традиция, — отвечаю волчице, — наши разговоры в дамских комнатах.

Одри складывает руки на груди:

— Отвечай на вопрос.

— Зачем? Ты же и так все прекрасно унюхала.

Я медленно беру бумажное полотенце и промокаю им лицо. Медленно, потому что не хочу выдать себя дрожью в пальцах.

Значит ли это, что Доминик тоже в курсе?

Почему тогда ничего мне не сказал?

— Он не может быть ребенком Доминика. Это невозможно. Значит, ты ему… изменила? — Последнее Одри выдает с таким отвращением, будто я не альфе изменила, а лично ей на крыльцо нагадила.

— Тебя это не касается, — повторяю я излюбленную фразу Экрота.

— Я его будущая жена, поэтому меня касается все, что касается его.

— А так же все, кто касаются его?

На щеках волчицы проступает гневный румянец, но она только вздергивает подбородок и возвращает себе неприступный вид.

— Скоро касаться не будешь. Он тебя выгнал.

Нужно просто не отвечать, но тогда эта самодовольная стерва решит, что может мне указывать.

— Ошибаешься. — Я выбрасываю полотенце в корзину и поворачиваюсь к ней. — У нас сейчас сложный период в отношениях. Доминик привык, чтобы перед ним бегали на задних лапках, а я — к тому, что я сама альфа. К тому же, это его ребенок, и он еще не в курсе.

Глаза Одри широко раскрываются.

— Но это же…

— Невозможно? — хмыкаю я. — Я тоже так считала. Но как видишь, бывают исключения.

— Ты лжешь!

— Зачем мне это? И разве можно обмануть вервольфа? У вас же звериное чутье.

Удивительно только, почему Одри почувствовала мою беременность, а альфа нет.

На лице волчицы сквозь недоверие и злость проступает

растерянность.

— Ты действительно беременна от Доминика?

— Да.

— И не сказала ему?

— Нет. Хочешь рассказать за меня?

По одному взгляду Одри видно, что не хочет. Потому что незапланированный ребенок может нарушить ее планы стать женой альфы. Она ничего не расскажет. Сохранит в тайне, а это именно то, что мне нужно. Пока я не разберусь во всем.

— Пропусти.

Как ни странно, она отступает в сторону. Неохотно, но на этот раз не пытается распускать свои лапы. Что удивительно.

— Если это его ребенок, — бросает Одри мне в спину, — если он будет вервольфом, мы примем его в свою стаю. Можешь не волноваться на этот счет.

От ее слов я едва не спотыкаюсь о порог. До этого я считала, что моя единственная проблема в том, что Доминик может мне не поверить. А даже если и поверит, я все равно буду матерью-одиночкой. И я почти смирилась с этим фактом. О том, что моего малыша попросту могут у меня забрать, я даже не подумала. При этой мысли все внутри меня восстает, мне хочется разорвать Одри на части. Любого разорвать на части, кто попробует забрать моего ребенка.

Не позволю!

Поэтому я оборачиваюсь и, глядя ей в глаза, напоминаю:

— Пока что это не твоя стая, Одри.

Спокойствие дается мне непросто, но я выхожу за дверь, расправив плечи, сохранив достоинство и оставив последнее слово за собой.

Я возвращаюсь той же дорогой, только сворачиваю не к лифтам, а снова в приемную Доминика. Мне нужно узнать, почему Одри почувствовала перемены во мне, а главный волк нет. И единственная, кто может дать мне ответ — Венера.

Я нахожу девушку за ее рабочим столом и, игнорируя Оуэна, говорю:

— Знаю, ты на работе, но можешь уделить мне минутку? Это очень важно.

— Да. Хорошо.

— Где мы можем поговорить, чтобы нам не помешали?

Венера кивает и проводит меня в большой зал, который, судя по длинному столу и множеству стульев вокруг него, предназначен для переговоров. Она прикрывает за собой дверь.

— Во-первых, хочу сказать, я очень рада, что ты вчера не пострадала. Во-вторых… Во мне что-то изменилось?

Венера всегда держит лицо, но сейчас даже не скрывает собственного замешательства.

— Не понимаю.

— То есть ничего не изменилось? — уточняю я.

Вот теперь волчица смотрит на меня пристально, а потом ведет носом, как совсем недавно делала Одри. Чтобы через

пару минут охнуть.

— Ты в положении?

— Да.

Сосредоточенность на ее лице сменяется улыбкой.

— Поздравляю, Чарли! Это чудесно! Но… Но как?

— А как появляются дети? — У меня вырывается нервный смех. — Прости. Все это неважно. Лучше скажи, как ты это почувствовала. И почему это не почувствовал Доминик?

— Он не почувствовал?!

— Нет. По крайней мере, не сказал…

Венера хмурится:

— Возможно, потому что срок беременности слишком маленький, твой запах еще не слишком изменился. Волки и волчицы по-разному чувствуют это, но...

Он закусывает губу, не договорив.

— Что но? — интересуюсь я.

— Отец обычно чувствует своих детенышей даже в утробе. Это наша природа.

Мне становится смешно, настолько смешно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Очень зло рассмеяться. Особенно, когда Венера тихо интересуется:

— Это ребенок Доминика?

— Конечно, Доминика! Или ты думаешь, что я могла ему изменять при таком тотальном контроле? Вокруг меня армия преданных вервольфов. Да, вчера меня похитили, но забеременела я не вчера!

— Извини за глупый вопрос. Дело правда не в армии вервольфов, в тебе. Ты бы не стала изменять сама.

— Считаешь, что слишком хорошо меня знаешь?

— Успела узнать. К тому же, между тобой и Домиником такие искры, что это сложно не заметить

Не знаю, про какие искры речь, но между нами все кончено.

Было бы кончено, если бы не мой малыш!

— Какая разница, если он все равно не чувствует собственное дитя?

— Огромная. Альфа не глупец. И хотя это чудо, что ты смогла забеременеть от вервольфа, он ни за что не откажется от своего волчонка.

Эта новость мне совсем не нравится!

— Одри меня уже просветила на этот счет. Сказала, что Доминик мне его не отдаст. Это правда?

— Одри точно не та, к советам кого стоит прислушиваться. Зачем тебе это? Ты можешь жить в стае. Никто не имеет права прогонять тебя.

Жить в стае и смотреть на Доминика с Одри. Вот и ответ.

— А если не захочу? Захочу уехать вместе с ним.

— Любому волку нужна поддержка стаи.

— Если он родится волком.

— Кем еще он может родиться? — хмурится Венера.

— Человеком.

Хотя сейчас я не уверена, что этого ребенка можно будет

назвать человеком. Ведь я не человек, я — имани. Непонятно кто. И мой ребенок может быть как вервольфом, так и... Кем он вообще будет? Таким как Хантер. Историк сказал, что у него сила проснулась в тринадцать. Возможно, до этого она просто пряталась в нем. Так и мой малыш маскируется и не хочет выдавать себя биологическому папаше.

Я влипла!

Я влипла в это сильнее, чем в долг Дэнвера.

— Чарли, — прерывает мою мысленную панику Венера, — ты должна рассказать все Доминику. Поверь, он будет счастлив.

— Счастлив забрать у меня ребенка?!

Кажется, я все-таки срываюсь, поэтому делаю медленно вдыхаю и так же медленно выдыхаю. Волчица смотрит на меня с сочувствием.

— Никто у тебя его не забирает.

— Но может.

Зря я рассказала все Венере. И зря обратилась к ней. Но теперь это уже не важно.

— Чарли…

— Я расскажу ему, когда буду готова. Хорошо? И прошу ничего ему не рассказывать. Думаю, ты бы тоже не хотела расстаться со своим малышом.

Венера вздрагивает, но кивает. Возможно, я бью по больному, но сейчас мне еще страшнее, чем когда я увидела вторую полоску на тесте.

Потому что понравится это Доминику или нет, ребенка я ему не отдам!

ГЛАВА 2

С Домиником я больше не сталкиваюсь, поэтому без приключений возвращаюсь в магазин. Работы много, и я берусь помогать Рэбел обслуживать бесконечный поток покупателей, который не иссякает до самого закрытия. Где-то в коротких перерывах я размышляю, что стоит записаться к доктору и начать все планировать. Планировать на двоих.

Проблема в том, что сейчас в моей жизни все слишком зыбко, чтобы начинать что-то планировать. Взять хотя бы необходимость жить в доме Доминика. Но именно туда меня привозит Оуэн после работы, и провожает до порога. Вервольфы никогда не входят в дом альфы без его приглашения.

А вот самого альфы дома нет: в этом я убеждаюсь, когда поднимаюсь в спальню, чтобы принять душ и переодеться. Двери в его комнату и в кабинет приоткрыты, свет выключен. В гостиной и на кухне тоже пусто. Не знаю, где сейчас Доминик, хотя есть подозрения, с кем.

Выкинуть из головы картинки с ним и Одри получается далеко не сразу, но все-таки получается. Мы ничего друг другу не должны, а лишние нервы мне сейчас ни к чему. Стресс не нужен ребенку, поэтому отныне никакого стресса!

Я включаю любимую радиостанцию и готовлю себе ужин. Спокойно, медленно, с удовольствием. Не знаю, причина в том, что во мне проснулась эта имани, или в том, что я но-

шу ребенка вервольфа, но я действительно стала по-другому воспринимать запахи. Они стали ярче, а еще я будто стала экспертом в свежести продуктов. Сегодня в меня совершенно не влез сэндвич с ветчиной из кафе напротив. Мне оказалось достаточно его понюхать, чтобы понять, что с ветчиной что-то не то. Зато в холодильнике Доминика все было очень свежим: охлажденное мясо, овощи, фрукты. Стоило уловить аромат стейка, аппетит у меня проснулся волчий.

— Значит, любишь мясо? — поинтересовалась я, положив ладонь на живот. — Как интересно. А что еще?

Никогда бы не подумала, что смогу осилить огромный кусок стейка с кровью, но сейчас не просто осилила, мне захотелось добавки. Так же малышу зашли зеленые овощи, а вот от всего сладкого, включая виноград и бананы, меня воротило. И от кофе тоже, что стало для меня огромной печалью.

После ужина я решила не изменять своим привычкам: раз Доминик сказал, что я теперь живу с ним, то вести себя буду как дома. Принесла ноутбук на кухню и села за продолжение романа. Удивительно, но я чувствовала себя умиротворенной, даже написала половину главы. Но моего спокойствия хватило ровно до телефонного звонка.

Звонок от Хантера, поэтому первое мое желание — не отвечать на него. Но историк настойчив, продолжает названивать каждые пять минут. Что жутко бесит и не дает сосредоточиться на сюжете. На шестнадцатый раз я уже просто не выдерживаю:

— Что тебе надо?

— Считаю справедливым, что если я утром ответил на твои вопросы, вечером ты ответишь на мои.

Что?! У него вообще с головой в порядке?

— Ты меня обманул и похитил. Я тебе ничего не должна.

— А кто говорит про долг? Это всего лишь дружеский разговор.

— Мы не друзья!

Я сбрасываю звонок и возвращаюсь к главе, но телефон снова изображает большую пчелу и продолжает жужжать на беззвучном режиме.

Раз.

Два.

Три…

Десять!

Так, хватит.

Я хватаю телефон со стола и собираюсь совсем его выключить, но хорошее настроение и так помахало мне ручкой, а мне безумно хочется высказаться. Спустить всех бесов на Хантера!

— Мы бы могли стать друзьями, если бы ты не использовал меня, чтобы подобраться к Доминику.

— И я прошу прощения за то, что напугал тебя. — На этот раз в его голосе нет показной веселости, историк предельно серьезен. — Еще я пообещал, что не причиню тебе вреда, и сдержал свое слово.

— Думаешь, достаточно извиниться, и все будет как прежде?

— Думаю, мы можем быть полезны друг другу.

Вервольфы все настолько самоуверенные? Или только мне такие попадаются?

Пока я думаю над цензурой ответа, он продолжает:

— Я обещаю тебе свою защиту, Чарли. От Экрота и Кампалы. И свою преданность.

— Это что? Какая-то волчья формулировка?

— Клятва альфы, известная с пятого века.

— Но ты не вервольф. И точно не альфа.

Хантер тихо смеется.

— С первым ничего не поделаешь, а ради нашей дружбы и альфой станешь.

— Хочешь занять место Доминика? — интересуюсь.

— Да. Оно мое по праву.

— Тогда не рассчитывай, что я стану тебе помогать.

Я собираюсь снова повесить трубку, но гипнотический бархатный голос Хантера не позволяет это сделать.

— Я звоню не поэтому, Чарли. Не из-за Экрота, а из-за твоих слов. Мое предположение насчет альф и имани подтвердилось, так? Ты носишь его ребенка?

Бесы!

Бесы дважды!

Потому что я не должна поминать бесов при ребенке.

— Это не твое дело!

— Значит, носишь.

Это что, сожаление?

— Я могу повторить…

— Не нужно, — перебивает меня историк. — Тогда тебе действительно понадобится моя помощь. Потому что никто не знает про имани и про их детей столько, сколько я.

Я резко втягиваю воздух и выдыхаю:

— Ты ошибаешься. Во всем.

Нажимаю отбой и для верности выключаю телефон, а потом обхватываю себя руками. На кухне тепло, во всем доме очень тепло, но сейчас у меня мороз по коже.

Потому что уже слишком многие знают о моем положении.

Бесов Хантер!

Мои слова вряд ли его убедят. А ведь он, правда, знает многое. Он родился таким и изучал вервольфов всю свою сознательную жизнь. И, конечно же, мог ответить если не на все мои вопросы, то на многие.

Это слишком заманчиво: воспользоваться тем, что он предлагает. Но я не нуждаюсь в ничьей защите или помощи. И уж точно мне не нужны ничьи клятвы, у них слишком большая цена. А в том, что историк назовет свою, я не сомневаюсь. Он прекрасный игрок, поддаваться на его фальшивое участие — себе дороже.

— Мы справимся сами, — говорю я малышу. Не уверена, что он меня слышит — слишком он мал для этого, но мне

нравится так думать. Будто нас связывает какое-то особое чутье: он чувствует меня, а я чувствую его. — Хотя почему сами? У тебя еще есть бабушка с дедушкой и тетя Рэбел.

На этой мысли стальные пальцы, будто сжимающие мое сердце, отпускают, мне больше не хочется свернуться клубком и выть от бессилия.

Я всегда справлялась справлюсь и на этот раз!

Подумав, что сегодня вряд ли напишу еще хоть строчку, закрыла файл с романом и записалась онлайн (ближайшей датой оказался понедельник) к гинекологу. После выпила чашку травяного чая и отправилась спать. Наверное, прошлая ночь, а может, весь этот день вытянули из меня все силы. Я чувствовала себя так, будто в одиночку перетаскала все книги в магазине, заодно и все шкафы передвинула. Поэтому я сбросила одежду на стул и залезла под одеяло, чтобы тут же провалилась в сон.

Мне снился Дэнвер. Таким, каким я его запомнила. Мы неслись по ночной автостраде и ссорились. Я просила его сбавить скорость, но он только сильнее жал на газ. Волк, огромный белый волк, возник в свете фар так внезапно, что я закричала, а Дэн вывернул руль, и резким ударом меня выкинуло через лобовое стекло. Я приготовилась к боли, но ее не последовало — волк подхватил меня и оттащил в сторону. Только оглянувшись, я поняла почему: машина загорелась и вспыхнула костром.

— Там Дэн! — крикнула я. Попыталась рвануться обрат-

но, но нас отбросило взрывом. Взрывом, в эпицентре которого был мой бывший муж. И после которого никому не выжить…

Меня встряхивают, но не лапами, а руками. И я вздрагиваю, выныривая из кошмара. Меня действительно обнимают и прижимают к широкой, обнаженной груди.

— Шарлин, тише. Я рядом.

Голос Доминика, глубокий, низкий, стряхивает с меня остатки сна. Как и его объятия.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь хрипло.

— Ты кричала. Во сне.

Доминик вместе со мной, на кровати, и обнимает меня так, будто не было его слов про конец сделки. Но они были.

И они ввинчиваются в сознание. Вместе со страхом, что он вот-вот почувствует, поймет, что я ношу его ребенка. Этот страх настолько сильный, что до меня не сразу доходит его вопрос:

— Что тебе снилось?

Я отстраняюсь, вытираю мокрые щеки и холодно отвечаю:

— Это неважно. Не входи ко мне больше. Кричу я или нет. Я всего лишь твоя гостья, которой ты дал клятву. Больше никто.

Во взгляде Доминика вспыхивает что-то звериное. Но спустя мгновение даже оно запечатывается холодом и безразличием, желтое сияние исчезает из его глаз. Вервольф резко поднимается и уходит к себе.

А я поглубже закапываюсь в одеяло и пытаюсь заснуть.

Просыпаюсь я как по будильнику и обнаруживаю, что Доминик свои обещания выполняет — я снова в доме одна. И выполняет не только сегодня, все последующие дни мы с ним почти не пересекаемся. За исключением пятницы, когда я поздно вернулась из магазина и увидела, как он провожает к выходу отца Одри, и случайного столкновения в воскресенье на кухне. Меня это почти радует. Почти, потому что всякий раз при встрече с ним я замираю и ищу в его лице удивление или злость, или хоть какие-нибудь эмоции. Но нахожу только безразличие.

Хотя моя беременность становится для меня все очевиднее.

Теперь я не могу есть по утрам. Совсем. Не могу пить кофе. Малыш все держит под строгим контролем. Стоило однажды нарушить установленные им правила, и пришлось снова запираться в туалете. Зато я съедаю два стейка в день. Один в обед в «Бэйлизе» или в стейк-хаусе «Бычье копыто», второй — уже по возвращении в особняк Доминика.

Понедельник наступает неожиданно, и гинеколог, светловолосая женщина в годах, поздравляет меня с тем, что я и так знаю. У меня будет малыш. Еще у меня прекрасные анализы и токсикоз из-за полной перестройки организма.

На этом, правда, поздравления и заканчиваются. Потому что мне назначают УЗИ. Впрочем, когда я вижу своего малыша на экране, слезы подкатывают к горлу. У него большая

голова, и он действительно очень крохотный, но он мой.

Маленький мой.

Но разве он не должен быть меньше?

— Вы утверждаете, что у вас срок не больше трех недель? — уточняет доктор Кимран, водя по моему животу датчиком ультразвука.

— Да, — хмурюсь я. Учитывая наши недолгие отношения с Домиником, забеременеть раньше я просто не могла.

— Очень интересно.

— Что именно?

— Просто по тому, насколько развит плод, я бы сказала, что у вас седьмая-восьмая неделя.

По спине тянет холодом.

— Этого не может быть, — говорю я, вглядываясь в экран. Доктору или себе?

Я не медик, но в школе биологию изучала, и знаю, сколько у людей длится беременность. У людей…

Мой догадка чуть ли не подкидывает меня вверх. А у волков?

— Сколько длится беременность у вервольфов? — спрашиваю я.

— Двадцать две недели. Это из-за их звериных генов. Но вы человек.

Я уже в этом не так уверена.

— Я должна о чем-то узнать, прима Брайс? — Доктор Кимран смотрит на меня, как тот ультразвук. Но сначала мне

самой нужно во всем разобраться, поэтому я отвечаю:

— Нет, все нормально. Седьмая неделя — это хорошо. Я, наверное, что-то перепутала.

Не знаю, смогла ли я ее убедить или нет, но доктор назначает мне витамины, советует больше отдыхать и максимально исключить стресс.

Исключишь тут! Да мы с ним практически сроднились!

Покинув кабинет, я сворачиваю в нишу (к счастью, Оуэн и его напарник согласились подождать в холле клиники, и у меня есть фора), достаю из сумки телефон и набираю номер, по которому пообещала себе больше не звонить.

Хантер отвечает сразу, и даже не пытается шутить. Что тоже к лучшему.

— Мне понадобится твоя помощь, — говорю без предисловия. — Но учти, никаких условий!

— Я обещал, что на этот раз все будет честно.

— Хорошо.

Я все еще сомневаюсь верить мне ему или нет, о доверии вовсе речи не идет. Но какие у меня варианты? Перелопатить все книги о вервольфах в магазине? Да у меня почти каждая о вервольфах! Поискать в сети? Там, пожалуй, можно найти все, что угодно. Про волков, но не про имани. До знакомства с Хантером я о таком даже не слышала. Имани и их дети не существуют ни для людей, ни для вервольфов. Но они существуют: я и Хантер прямое тому доказательство.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает историк.

— У меня много вопросов.

— Я мог бы предложить встретиться, но твои телохранители вряд ли подпустят меня к тебе ближе, чем на километр.

— Я все равно не собираюсь с тобой встречаться, — осаживаю его. — Мы будем общаться исключительно по телефону.

— Вервольфы слышат и телефонные разговоры, а тебя все время охраняют.

— Не все время, — говорю я и прикусываю язык.

Ну и чего, спрашивается, я с ним разоткровенничалась? Он мне не друг. Просто источник ценной информации.

— Я не собираюсь хранить в тайне то, что ты мне расскажешь, — исправляю ситуацию.

— Пойдет, — подозрительно легко соглашается Хантер. — Набери меня, когда сможешь разговаривать, и я отвечу на любой твой вопрос. Искренне и без условий.

Я и так задержалась, поэтому нажимаю отбой и возвращаюсь к Оуэну. Мой главный телохранитель сканирует меня взглядом, но ничего не говорит, а я чувствую себя странно, ведь только что разговаривала с врагом и соперником Доминика. В голову приходит не менее странная мысль: правильно ли я поступаю? Но я прогоняю ее прочь. Мне нужно все узнать, ради нашего с малышом будущего. Ведь по словам Хантера, с детьми имани не все так просто. Я сама в этом убедилась на сегодняшнем приеме у доктора.

Рабочий день проходит как обычно, не считая того, что я

все время думаю о разговоре с Хантером, и того, что мою беременность обычной не назовешь. Хотя бы потому, что она развивается слишком быстро. Поэтому я иногда путаю заказы и книги. К счастью, Рэбел все вовремя исправляет и не задает вопросов. За что я благодарна ей вдвойне.

Время в автомобиле до особняка тоже растягивается, и мне хочется, чтобы водитель ехал быстрее, но естественно, я тороплю его только в собственных мыслях. И даже забываю попрощаться с Оуэном, настолько спешу остаться одна.

Вот только в холле я натыкаюсь на Доминика.

Он спускается по лестнице, ведущей на второй этаж. Без пиджака, в брюках и светлой рубашке, босиком. Такого Доминика можно смело назвать домашним, если зверю вообще подходит этот эпитет.

— Здравствуй, Шарлин.

Только он так произносит мое имя — глубоко, рычаще, что даже сейчас его голос будто теплом прокатывается по моему телу. Я по-прежнему на него реагирую, отзываюсь, несмотря на то, что не должна. Не хочу отзываться!

Я застываю на пороге, потому что появление Доминика полностью рушит мои планы сразу же набрать Хантера. Почему из всех дней он решил остаться дома именно сегодня?! Или не решил?

— Привет, — киваю я. — Ты сегодня дома?

— Да.

Если и существовала крохотная возможность, что Доми-

ник еще куда-нибудь уедет, то она только что испарилась. Поэтому я перестаю изображать перепуганного зайца и иду к нему навстречу. Кто же виноват в том, что это единственная лестница на второй этаж?

— Тогда постараюсь не выходить из своей комнаты, чтобы тебе не мешать.

— В моем доме ты можешь делать все, что захочешь, Шарлин. — Доминик останавливается посредине лестницы и прямо у меня на пути. Она достаточно широкая, чтобы его обойти, но что-то мне подсказывает, что просто обойти его не получится.

— Скажу по-другому: мы не будем мешать друг другу, если разойдемся по разным комнатам.

Наверное, сейчас мы выглядим как семейная пара на грани развода. Они давно охладели друг к другу, и уже даже не ссорятся, а просто вынуждены делить общий дом, пока не подписали бумаги. Я едва не смеюсь. Какой же бред лезет в голову! Мы не семейная пара.

Мы вообще не пара.

— Оуэн передал мне, что ты была сегодня в больнице. Почему?

На то, что моя охрана будет держать рот на замке, я даже не надеялась, но к тому, что альфа устроит мне допрос, не готова.

— Доминик, мы же вроде договорились, что ты меня защищаешь, и на этом все. Я должна докладывать тебе обо

всем, что происходит в моей жизни?

— О том, что касается твоей безопасности и здоровья — да.

Он спускается еще на одну ступеньку и нависает надо мной.

Альфа слишком близко. Настолько близко, что я чувствую его аромат — сильный, мужской, манящий, и ловлю себя на мысли, что хочется податься вперед, провести ладонями по мужской груди, прижаться к Доминику. Руками. Губами. Все мое тело будто превращается в оголенный нерв, жаждущий его близости. Прямо здесь, на лестнице. До сорванного голоса, до сбившегося дыхания. Это звериное желание наброситься на него такое сильное, что именно это меня и спасает от необдуманных поступков. Осознание, что я собиралась сделать, выдергивает меня в реальность. Осознание и страх, что только что практически утратила контроль.

В глазах Доминика гаснет тот же алчный огонь, который я успела ощутить на себе. Это сделал он? Заставил меня почувствовать себя ненасытной самкой, желающей спариваться. Венера говорила про голос альфы, а что насчет взгляда?

Я облизываю пересохшие губы и сжимаю кулаки, чтобы не выдать дрожь, от которой до сих пор меня всю колотит. Мне нельзя волноваться. Малышу это не на пользу.

— Не делай так больше, — приказываю я. Мой голос тоже дрожит, но это вполне можно списать на раздражение.

— Как?

— Как ты делаешь!

— Я всего лишь спросил тебя про визит к доктору.

— Ты разве не знаешь, что с моим здоровьем?

— Это конфиденциальная информация, поэтому для начала я решил все уточнить у тебя.

Желание никуда не исчезло, но я понемногу превращала его в здоровую злость.

— Для начала? Это угроза?

— Предусмотрительность. Так в чем дело?

Я заглядываю в его лицо и понимаю, что Доминик не лжет. Не пытается вывести меня на чистую воду, чтобы призналась первой, не издевается. Иначе бы на вопрос про «знаешь» ответил иначе. Он действительно не чувствует, что я беременна.

Вопрос — почему?

Проще всего спросить у него, но я не готова признаваться Доминику сейчас.

— Меня кое-что беспокоило, поэтому я делала УЗИ. Но с моим здоровьем все хорошо. Спасибо, что интересуешься.

— Поужинаем вместе?

А вот это неожиданно! Настолько неожиданно, что я зависаю второй раз за вечер.

— Нет, — отрезаю я. — Чем меньше мы будем проводить время в обществе друг друга, тем лучше. Ты сам сказал, что мы друг другу не подходим. Друзей из нас тоже не получится.

— Не получится, — соглашается Доминик. — Я не смогу

дружить с тобой, Шарлин. Для этого я слишком тебя хочу.

Его слова отражаются в груди болью. Потому что «хочу» не равно «люблю». Он хочет мной владеть, и на самом деле не видит во мне равную. Наши отношения изначально были обречены на провал.

— А я — нет, — отвечаю я, все-таки ныряя в промежуток между перилами и Домиником и сдерживаю себя, чтобы не начать перепрыгивать через ступеньки. Наоборот, поднимаюсь медленно, и уже на верхней площадке оборачиваюсь, чтобы заметить закрывшуюся входную дверь. После чего спешу к себе.

Далеко босиком Доминик не уйдет, наверняка, отправился на пляж, поэтому у меня есть немного времени.

Набираю Хантера и прошу:

— Расскажи все, что знаешь про имани.

— Всё — слишком расплывчатое понятие, — отвечает историк.

Я подхожу к окну и замечаю пересекающего внутренний двор Доминика. Не оглядываясь, он толкает заднюю калитку и скрывается в темноте пляжа. Того самого, на котором я впервые увидела его в волчьей ипостаси.

Замечаю, что свободной рукой вцепилась в край подоконника до побелевших пальцев, и отстраняюсь. Выдыхаю, пытаюсь расслабиться. Мне нужно сосредоточиться на Хантере и его словах, а не думать о Доминике. Не думать, что я угадала насчет пляжа. Что я слишком хорошо его знаю.

— Я рассчитываю, что ты ничего не упустишь, — говорю я. — Потому что я должна знать, кто я такая.

— Справедливо. — В голосе Хантера слышна улыбка. Он вообще как-то быстро включился в разговор, будто с нетерпением его ждал.

Конечно, ждал! Наверное, нарадоваться не может, что встретил настоящую, живую имани.

— Как они появились? — спрашиваю я, и тут же исправляюсь: — То есть мы.

Что я чувствую, когда думаю, что я какая-то особенная? Что я не человек и не вервольф? Только растерянность и неверие. Неверие в то, что все это на самом деле происходит со мной.

— Мои родители — мои настоящие мама и папа, я на них похожа.

— Не сомневаюсь в этом ни капли, — успокаивает меня Хантер. — Как и в том, что они обычные люди.

— Тогда… почему я?

— А почему я родился с разноцветными глазами? Природа, генетика. Тебе просто повезло.

Повезло, как же!

— Но как и мои способности, — продолжает он, — твои тоже долгое время находились в спящем состоянии. Пока их не спровоцировала встреча с Экротом.

— Почему это вообще происходит? Почему рождаются такие дети?

— Я думаю, что таким образом природа заботится об исчезающем виде. А может, это новая ступень эволюции, которая берет лучшее из двух существующих на планете видов и создает нечто совершенное. Более сильную, здоровую, выносливую версию людей и вервольфов.

— А по-моему, тебе просто хочется считать себя особенным.

— Здесь ты ошибаешься. — Беззаботный голос Хантера сменяется ледяным. — Раньше я бы все отдал, чтобы быть обычным. Но потом понял, что глупо отказываться от того, что тебе подарила судьба.

— Я подобных подарков не просила.

— Это уже неважно. Тем более что твой будущий ребенок будет именно таким. Он уже особенный.

— Для меня он особенный, потому что мой, — отрезаю я и кладу ладонь на живот.

Моя фигура пока не изменилась, но с таким быстрым ростом малыша, я не смогу долго скрывать беременность.

— Значит, — продолжаю я, — дело во мне и в альфе?

В моей сильной генетике и в том, что я занималась сексом с вожаком.

— Мой бывший муж не был альфой, поэтому моя сила не раскрывалась, а тут раскрылась. Выходит, дело не в Экроте? Подошел бы любой сильный… самец?

— Вероятнее всего у вас с мужем не было детей не из-за разницы в видах, просто ты, как имани, ждала более сильно-

го и достойного самца. — Последнее слово Хантер произносит с насмешкой, а вот мне совсем не смешно.

От таких новостей голова кругом. Значит, все мои мечты насчет мужа-человека и детей все равно бы не сбылись. Я бы осталась бесплодной, потому что моя сущность ждала Доминика или кого-то другого. Но поверит ли он мне?

— Я была сегодня у доктора, и мне сказали, что моя беременность развивается очень быстро.

— Как у волчиц, — подтверждает Хантер. — Это нормально, не бойся. Если ты имани, значит, твой организм должен быть приспособленным к рождению волчат.

— А если нет? Ведь… — Я осекаюсь, но потом все равно заканчиваю: — Ведь твоя мать умерла при родах.

Повисает короткая пауза, и мне даже кажется, что историк ничего не ответит, но он отвечает:

— Считаю, что нам не стоит это обсуждать.

— Я не хочу обсуждать тебя, я хочу обсуждать себя. Скажи, чего мне стоит бояться? Потому что мне уже страшно.

Мне действительно страшно. Даже страшнее, чем когда на меня несся оскалившийся волк.

— Вервольфы не просто так зациклены на потомстве, — все-таки говорит Хантер, — и именно поэтому берегут волчиц. У них случаются выкидыши, многие волчата погибают во время родов…

— И волчицы тоже, — заканчиваю за него и меня прошибает ознобом. В спальне жарко, даже душно, но мне невыно-

симо холодно. Сердце в ушах звучит набатом.

Что, если мой ребенок не выживет? Если не выживу я?

Я, кажется, выпадаю из реальности, потому что прихожу в себя только когда слышу свое имя и ругательства в трубке.

— Чарли, с тобой все будет в порядке, поверь мне. Уверен, Экрот для своего наследника не пожалеет ни лучших врачей, ни внимания и заботы.

— Он не знает, — признаюсь я.

— Что?!

— Доминик не почувствовал, что я беременна. И не знает, что это его ребенок. То, что я в положении, почувствовали только две волчицы.

Судя по донесшемуся из трубки грохоту, у историка что-то свалилось и рассыпалось.

— Это невероятно! — восклицает Хантер со смехом. — Малыш просто чудо.

— И что в этом чудесного?

— Он дитя имани и вервольфа невероятной силы, и он тоже очень сильный. Сильный и хитрый. Он прячется, Чарли. Маскируется, чтобы его не почувствовали мужчины. Волчицы не представляют для него угрозы, они, как и ты, женщины. А вот от Экрота он спрятался, потому что… — Хантер останавливается, и его голос становится спокойным и задумчивым: — Потому что этого хочешь ты? Он чувствует тебя. Почему ты не хочешь рассказывать о ребенке его отцу?

Можно сказать правду, можно солгать, но зачем мне во-

обще нужно отвечать на этот вопрос?

— Это не имеет никакого отношения к нашему разговору.

— Имеет, и прямое. Чего ты боишься?

Потерять его.

Я знаю о существовании малыша несколько дней, но уже безумно люблю его и больше всего на свете боюсь его потерять.

Но я не собираюсь признаваться в этом Хантеру. Я вообще никому не собираюсь в этом признаваться.

— Давай вернемся к имани, — говорю я.

— А мы от них и не отходили.

— Отходили. Все, о чем я тебя прошу, так это рассказать о том, с чем мне придется столкнуться, будучи беременной от вервольфа. Я хочу защитить своего малыша, а с его отцом как-нибудь сама разберусь!

— Было бы неплохо.

Голос Доминика за спиной заставляет меня замереть. Пальцы деревенеют, поэтому телефон просто выскальзывает из рук, ударяется о подоконник и улетает на пол. Не знаю, пережил ли он падение, выключился, или Хантер продолжает слушать мое срывающееся дыхание.

Я медленно поворачиваюсь: альфа стоит, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди. С виду спокоен, но этот вид обманчив, потому что глаза Доминика горят желтым, и от сверкающих в них молний по коже бежит холодок. Я узнаю этот взгляд: так он смотрел на меня, когда

забирал из дома Хантера.

Доминик плавным движением хищника наступает на меня, и я бессознательно прижимаюсь, прилипаю к подоконнику — дальше мне бежать некуда. Но он останавливается в двух шагах, подбирает телефон, проводит пальцем по экрану, а после швыряет его на постель. Только потом повторяет:

— Было бы неплохо разобраться во всем.

От Доминика веет животной силой и такой же яростью, мы сталкиваемся взглядами, и это приводит меня в чувство.

— Что ты слышал?

— Очевидно, ваш занимательный разговор с твоим недавним похитителем.

— Ты же уходил… Я видела, как ты отправился на пляж!

— Я вернулся.

— Ты меня обманул, — доходит до меня. Показал, что уходит, а сам тихо вернулся!

— И это говоришь мне ты, Шарлин? — Доминик почти рычит, в один шаг преодолевая расстояние между нами. — После разговора с моим врагом. Или после того, как решила не рассказывать мне о моем ребенке?

Я не собираюсь оправдываться. Ни перед кем, а тем более — перед Домиником.

— С чего ты взял, что это твой ребенок?

Альфа усмехается. Жестко.

— Чьим еще он может быть? Я первый мужчина, которого ты подпустила к себе после неудачного брака с Дэнвером, на

тебе мой запах. Историк-недовервольф прав, — он опускает взгляд на мой плоский живот, — я не чувствую своего волчонка, но я не идиот, Шарлин. Я чувствую тебя. То, как ты изменилась, стала другой. Новые привычки в еде. Перепады настроения. Визит к доктору. Твоя скрытность. Я не мог в это поверить, но факты — вещь упрямая. Оказывается, мы с тобой совпали даже сильнее, чем я думал.

Доминик тянется ко мне, намереваясь положить ладонь на живот. Я перехватываю его запястье двумя руками. Конечно, во мне нет и сотой доли его силы: альфа может скрутить меня в два счета. Мы это оба понимаем, поэтому застываем друг напротив друга.

— Ты догадался про ребенка и молчал?!

— Я надеялся, что ты мне расскажешь. Видимо, зря.

— Это ничего не меняет, — говорю я.

— Ошибаешься, Шарлин. Это меняет всё. Всё между нами.

Я не понимаю, а когда начинаю понимать, хочется вцепиться ему в горло в лучших традициях вервольфов.

— Ты дал слово! Освободил меня от обязательств, я могу уйти отсюда в любую минуту.

Его глаза вновь загораются желтым, а скулы заостряются, выдавая готовность принять волчью ипостась. Альфа отступает так же стремительно, как подошел ко мне.

— Ты носишь под сердцем моего волчонка, значит, останешься здесь, в этом доме, пока он не появится на свет.

Мое сердце падает, и этой пропасти нет конца и края.

— А потом? — спрашиваю севшим голосом.

— Потом можешь делать все, что захочешь. Мой сын останется со мной.

ГЛАВА 3

Мой самый страшный кошмар последних дней воплощался наяву. Доминик узнал про малыша и, как и говорила Одри, решил присвоить его себе. Забрать его у меня.

Я настолько падаю в этот страх, что бросаюсь на Доминика с криком раненой волчицы. В попытке расцарапать лицо, сделать больно. Так же больно, как он делает мне! Но альфа легко перехватывает меня, фиксирует и тесно прижимает к себе, пока я бьюсь в его руках, будто бабочка в паутине.

— Я не отдам тебе его! — рычу я. — Не отдам! Он мой!

Он ждет, пока я выдохнусь, и только после коротко обещает:

— Посмотрим.

Доминик резко отстраняется и стремительно покидает мою комнату, забирая мое сердце. Забирая нечто большее.

Надежду. Надежду, что он так ни о чем и не узнает.

Мне остается только дойти до кровати и упасть на нее вслед за телефоном. В голове крутилось: «Ты, Чарли, самая настоящая дура, если верила, что может быть иначе!»

Перезванивать Хантеру было бессмысленно, поэтому я свернулась на кровати прямо в одежде и прикрыла глаза. Чтобы открыть их от ярких полосок солнечного света, проникающих в комнату через неплотно прикрытые жалюзи.

Беременность влияла на меня странным образом: раньше

я бы ни за что не уснула вот так, без душа, и не проспала больше десяти часов. Главное — вряд ли бы выспалась. Но сейчас чувствовала себя бодро и решительно. Я проснулась с мыслью, что все мои советчики были правы — вряд ли бы у меня получилось спрятать беременность от Доминика. Не говоря уже о младенце. Сейчас, когда он знает, все стало проще и сложнее одновременно. Проще, потому что мне больше не нужно прятаться, а сложнее, потому что теперь надо убедить альфу изменить свое решение. Доказать ему, что ни я, ни ребенок ему не нужны.

Доминик любит сделки, и я собиралась с ним договориться.

Наскоро приняв душ, почистив зубы и причесавшись, я спустилась на кухню. В это время альфа обычно завтракал, а после отправлялся на работу. Я выучила его график, когда старалась с ним не сталкиваться. Это было несложно, учитывая, что сама я не завтракала.

Мне повезло: сегодня Доминик не изменял своим привычкам и готовил яичницу. Любопытно, но при всех своих возможностях, завтрак он делал себе сам. Правда, никто не предупреждал меня, что он делает это без рубашки. Стоило моему взгляду споткнуться о литые мышцы на мощной спине, все вступительные слова заготовленной речи выветрились из головы.

Это происходило вновь: мне дико захотелось подойти сзади и провести ладонями по его спине, прижаться к ней гру-

дью, лизнуть его под лопаткой. Наваждение, которое мне не принадлежало. Не могло мне принадлежать!

— Доброе утро, — говорит Доминик, не оборачиваясь. — Ты вовремя. Завтрак готов.

— Я не завтракаю.

— Придется, если хочешь, чтобы наш сын родился здоровым.

Я складываю руки на груди и приподнимаю бровь.

— То есть ты собираешься насильно затолкать в меня омлет?

Альфа наконец-то оборачивается и сканирует меня испытывающим взглядом.

— В этом есть необходимость?

Как ни странно, сейчас от запаха еды мне не хочется немедленно воспользоваться гостевым туалетом. Наоборот, в животе тихо урчит, потому что второй стейк вчера я пропустила, а против омлета малыш, кажется, не возражает. Поэтому я отодвигаю стул с ближайшей к двери стороны стола.

— Хорошо, я позавтракаю с тобой.

Доминик выключает плиту и раскладывает омлет по тарелкам, а потом ставит одну передо мной. Порция волчья, но я решаю не спорить и принимаю врученную мне вилку. Альфа опускается на соседний стул. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что он меня ждал. Услышал, как я проснулась, и ждал, пока спущусь. А значит, не только я хочу поговорить.

— Я хочу, чтобы ты сегодня посетила доктора, — подтверждает мою догадку Доминик.

— Я вчера уже была в больнице.

— Это хорошая клиника, но она не для вервольфов. Я хочу, чтобы тебя осмотрел наш специалист.

— И как ты собираешься убедить их принять не волчицу?

— Не волнуйся, они не станут задавать лишних вопросов. А я должен быть уверенным, что с сыном все хорошо.

Омлет вкусный, и я даже позволяю себе немного насладиться завтраком, прежде чем перейти к собственным вопросам.

— Зачем тебе ребенок?

— О чем ты? — прищуривается он.

— Зачем тебе ребенок от меня? Ты сам вчера сказал, что Хантер недовервольф. Этот малыш тоже родится таким. Неполноценным с точки зрения волков. Когда ты женишься на Одри, у вас будут общие волчата. Так зачем тебе мой ребенок?

Доминик откладывает вилку и пристально изучает мое лицо. Долго.

— Ты действительно не понимаешь? — интересуется он, и его вопрос заставляет меня почувствовать себя глупо.

— Что я должна понять?

— Это мой ребенок, Шарлин. Я не собираюсь от него отказываться только потому, что тебе так захотелось.

— Но ты заставляешь отказаться от него меня, потому что

тебе так захотелось! — Мой голос почти срывается на крик, и я заставляю себя продолжить завтрак, только чтобы вернуть себе видимость спокойствия.

Странно, что у меня получается есть в присутствии этого тирана!

— Разве я тебя заставляю?

Я едва не давлюсь от возмущения.

— А как еще назвать то, что ты хочешь отобрать у меня ребенка?

— Не хочу.

Мои брови взлетают вверх: я совершенно точно ничего не понимаю. Поэтому прищуриваюсь и решаю уточнить:

— Что?

— Я хочу, чтобы мой ребенок остался в стае. Я не считаю его недовервольфом, как ты сказала. И я не собираюсь прогонять тебя, Шарлин. Ты тоже можешь остаться.

Остаться?

— Остаться в качестве кого, Доминик? Не думаю, что твоей супруге понравится присутствие в стае твоей бывшей любовницы. Уверена, мне придется ходить и оглядываться.

— Она не тронет тебя. Не пойдет против моей воли.

— Мы точно про одну и ту же Одри говорим? Или у тебя в запасе еще десять невест, послушных и кротких?

Доминик гневно раздувает ноздри.

— Ты видишь врагов там, где их нет, зато водишь дружбу с одним из них.

— Ни с кем я ничего не вожу!

Вот теперь мне кусок в горло не лезет, поэтому тоже отставляю тарелку и поднимаюсь. Стул отъезжает с противным скрежетом. А Доминик поднимается следом, нависает надо мной.

— Я тебе уже говорила, Доминик, что не смогу играть вторую роль. Поэтому мне нужен мужчина, для которой я буду единственной, вместе с которым мы будем семьей. Обычной семьей. Если я останусь в твоей стае, то ни с Одри, ни с другой волчицей или твоими любовницами я не стану мириться.

Я не опускаю взгляд, когда альфа смотрит прямо мне в глаза. Понимаю, что биться здесь бесполезно: он сильнее меня во всех смыслах. Но пасовать перед ним не собираюсь!

— Это торг?

— Это факт!

— Вот и мы вернулись к тому, от чего ушли, Шарлин. Хочешь ты быть со мной или нет?

Я хочу ответить, но он меня перебивает:

— Наверное, нет, раз ты все время придумываешь новые и новые причины, чтобы не оставаться.

— Мы можем заключить сделку…

— Нет! — отрезает Доминик. — Больше никаких сделок или условий. Этот ребенок мой, со мной и останется. А у тебя есть выбор: остаться с нами или уйти.

Он проходит мимо меня и только в дверях кухни бросает:

— Собирайся. Я отвезу тебя к доктору.

Спорить с ним больше нет ни сил, ни желания, а учитывая, что я уже собралась, мне остается только забрать сумку и предупредить Рэбел, что задержусь. Доминик не заставляет долго ждать и появляется спустя несколько минут. В костюме, строгий и сдержанный, он кажется мне еще более чужим. Незнакомцем. По пути в клинику мы молчим — несмотря на то, что сидим рядом. Я не представляю, о чем разговаривать с мужчиной, который хочет забрать у меня малыша. Он, очевидно, потому что все уже сказал.

Частная клиника вервольфов ничем не отличается от множества других: белые стены, светлая плитка на полу, тихая приятная музыка и минимум декора в приемной. Разве что здесь нет очереди — нам вообще не встречаются другие пациенты. Ни в коридоре, ни в приемной отделения. А вот весь персонал — мужчины-вервольфы. И я впервые задумываюсь о волчицах, о том, сколько их и как у них проходят беременность роды.

Как вообще проходят беременность и роды?

Почему-то именно здесь мне не по себе. Хотя вчера мой доктор сказал, что с малышом все в порядке. Мне просто нужно подтверждение, чтобы Доминик успокоился и больше не включал заботливого папашу, который стережет инкубатор. Чем быстрее все это закончится, тем лучше.

— Доктор Милтон готов вас принять. — Администратор указывает мне на дверь кабинета, и я направляюсь туда. Правда, буквально в шаге от цели понимаю, что Доминик

следует за мной. Это заставляет меня остановится.

— Ты куда? — интересуюсь я.

— К доктору.

— Со мной?

— Естественно.

Только присутствие персонала с чутким слухом останавливает меня от того, чтобы послать Доминика лесом.

— Это обязательно? Это же личная консультация!

— Я отец нашего сына, Шарлин, и хочу знать, как протекает твоя беременность. Знать все.

— Почему ты уверен, что родится сын? Или девочка тебе не нужна?

Взгляд Доминика тяжелеет.

— Вероятнее всего, это будет мальчик. Во-первых, потому что волчицы появляются на свет реже. Во-вторых, у Экротов всегда рождались мальчики.

— Из любого правила бывают исключения.

Черты его лица немного смягчаются.

— Пол не имеет значения, я буду рад любому ребенку, которого ты мне подаришь.

Мне хочется сказать, что я ему ничего не собираюсь дарить, но толку об этом говорить? Как и просить его оставить меня.

В кабинете я чувствую себя еще более странно, потому что общается с доктором Милтоном, вервольфом средних лет, в основном Доминик. Если доктора и удивляет тот факт,

что я человек, то виду он не подает. Как и не высказывает своего мнения насчет присутствия альфы. Милтон интересуется моим самочувствием, на вопрос о котором снова отвечает Доминик. Что меня тошнит по утрам, что я ем, о моем настроении. Даже о сроке беременности. Я будто сама ребенок, которого привели к врачу!

Поэтому, когда дело доходит до осмотра, я готова просто вскипеть.

— На УЗИ тоже вместо меня пойдешь? — интересуюсь у счастливого отца.

— Делай, как говорит доктор, Шарлин, — спокойно советуют мне. — Дома поговорим.

Несмотря на растущее раздражение, я снова замираю, когда вижу своего малыша на экране монитора. Это волшебство, но во мне будто переключается тумблер, и на меня накатывает сначала изумление, а затем волны бесконечной безусловной любви. Только что хотелось покусать Доминика, а сейчас я улыбаюсь.

Это чувство такое сильное, такое яркое, что оно переполняет меня. И не только меня. Оглянувшись на Доминика, я вижу, что он неотрывно смотрит на экран и тоже улыбается.

Я понимаю, что еще ни разу не видела у него подобной улыбки. Такой светлой. Такой искренней. В эту минуту мне даже кажется, что все не так плохо. Что с этим Домиником я смогу договориться.

А вот доктор не улыбается, наоборот, хмурится, когда за-

канчивает УЗИ.

— Альфа Экрот, мы можем поговорить наедине?

Мне это не нравится. Совсем не нравится. Поэтому перехватываю руку Доминика, который собирается последовать за медиком.

— Доминик?

— Побудь здесь, Шарлин. Я все тебе расскажу.

— Если это касается меня, доктор Милтон, то я тоже хочу присутствовать при разговоре.

Я смотрю в глаза альфе и прошу:

— Доминик, пожалуйста.

Я чувствую, как напряжены его пальцы под моей ладонью, и уже понимаю, что никакие просьбы здесь не помогут. Поэтому просто отпускаю руку, но Доминик перехватывает ее снова, сплетая наши пальцы.

— Хорошо. Это действительно касается тебя.

— Могут возникнуть определенные сложности, альфа Экрот, — говорит доктор. — Прима Брайс носит волчонка. Плод развивается нормально по меркам вервольфов, но слишком быстро для человека. Поэтому ее тело, нервная и эндокринная система не успевают подстраиваться под такие перемены.

— Что это значит? — спрашиваю я, и только сейчас доктор наконец-то отвечает мне:

— Это значит, что вам нужны особые условия для того, чтобы выносить и родить этого ребенка. Я бы сказал — иде-

альные. Но даже в этих условиях я не могу ничего вам гарантировать. Ваша жизнь и ваше здоровье под угрозой.

Меня посещает странная мысль, что возможно стоило выйти и оставить все на Доминика, но я гоню ее прочь. Лучше послушать советы доктора из первых уст. Тем более, по тому как напрягся альфа, заметно — он всерьез задумался над идеальными условиями для меня.

— Я не обычный человек, доктор Милтон, — я спешу объяснить. — Мой… знакомый назвал меня «имани».

Взгляд доктора смягчается и становится задумчивым.

— Когда альфа Экрот вчера вечером рассказал мне о вас, я сначала не поверил. Впервые слышу об общих детях людей и вервольфов! Но результаты ультразвукового исследования и анализ вашей крови потрясают. И все же я не отказываюсь от своих слов, для вашего организма подобная беременность — настоящее испытание. Я бы хотел наблюдать вас на протяжении этих месяцев.

— Обязательно, доктор Милтон, — на этот раз за меня отвечает Доминик. — Еще я хочу уточнить насчет идеальных условий. Что вы под этим подразумеваете?

Да, мне тоже это интересно.

— Сбалансированное питание, массаж, специальная гимнастика, но самое главное — исключить любой стресс.

— Любой?

— Любой?!

Ну хотя бы в удивлении мы с Домиником солидарны.

— Да, — подтверждает доктор. — Обычно я советую это всем своим пациенткам, но вам, прима Брайс — особенно. Не нужно лишних волнений. Только отдых, позитивные эмоции и настрой. Исключите общение с личностями, которые вам неприятны и которые вызывают раздражение.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать смех, и ловлю взгляд Доминика. Его просто надо видеть: так внимательно слушает и будто не верит тому, что слышит. Еще бы! Чтобы исключить всех раздражающих личностей, мне нужно держаться как можно дальше от самого Доминика.

— Я советую окружить приму Брайс заботой, — продолжает доктор, — и быть к ней внимательным и лояльным. Как я уже говорил, ее гормональная система перестраивается слишком быстро, поэтому возможны слишком резкие перепады настроения. Постарайтесь отнестись с пониманием к просьбам, которые могут показаться женскими капризами.

А вот это уже перебор.

— У меня не бывает женских капризов! — возражаю я.

— Бывает, — отрезает Доминик, за что получает укоризненный взгляд от доктора.

— Это именно то, о чем я говорю.

Не знаю, что насчет позитивного настроя, но мое настроение стремительно скачет вверх. Возможно, все не так плохо, как я представляла. Это же какая власть над альфой теперь в моих руках!

Я широко улыбаюсь Доминику, а вот он хмурится.

— Еще насчет ваших сексуальных отношений, — продолжает доктор Милтон.

— Никаких сексуальных отношений? — с притворной грустью интересуюсь я. — Это сложно, но можно пережить.

— Наоборот, это часть животных инстинктов. Во время беременности вы должны отдаваться на волю инстинктов, чтобы ваш ребенок привыкал к своей волчьей сути. К тому же, во время секса выделяется огромное количество эндорфинов, вы и ребенок начинаете чувствовать себя в безопасности. Я бы настоятельно вам его рекомендовал. Разве что выбирайте более безопасные позиции.

Теперь моя очередь хмуриться, но возразить мне нечего. Не объяснять же доктору, что между мной и Домиником больше нет и не будет никакого секса? Хотя теперь понятно почему я хотела наброситься на вервольфа тогда, на лестнице. Когда я практически отдалась на волю инстинктов, а заодно чуть не отдалась ему.

Мне выдают еще множество указаний, записывают на регулярные обследования и анализы, и наконец-то отпускают.

Мы выходим из клиники вместе, и я интересуюсь:

— Подвезешь меня в магазин?

— Я отвезу тебя домой.

Мое хорошее настроение лопается как мыльный шар.

— Что?! У меня рабочий день в разгаре.

— Тебе нельзя работать, Шарлин, — раздраженно сверкает глазами Доминик. — Ты беременна.

— Беременна, а не больна.

— Ты слышала, что сказал доктор?

— Прекрасно слышала! Меня нельзя раздражать, а ты меня сейчас раздражаешь.

Лицо Доминика нужно видеть: зрачки налились желтым, скулы заострились, губы сжаты в тонкую линию. Ощущение такое, что он вот-вот лопнет от сдерживаемой ярости! Но он быстро берет себя в руки и распахивает передо мной дверь автомобиля.

— Значит, на работе ты не раздражаешься?

— Нет, она меня умиротворяет.

Конечно, не в дни перед праздниками, когда я и Рэбел сбиваемся с ног, чтобы всех обслужить и ничего не забыть, но если доктор Милтон прав в своих опасениях, мне стоит закончить все дела в магазине именно до праздников, чтобы потом полноценно отдыхать. Как бы ни был велик соблазн злить Доминика, я не собираюсь подвергать жизнь малыша опасности.

— Хорошо, — говорит вервольф, устраиваясь на соседнем сиденье. — Тогда я должен сам в этом убедиться.

Что?! Надеюсь, это не то, о чем я подумала!

— То есть?

— Я поеду с тобой, чтобы убедиться, что твоя работа не доставляет тебе и нашему сыну беспокойства.

Я даже поворачиваюсь к нему целиком, всматриваясь в резкий мужской профиль.

— И как ты собираешься в этом убедиться?

— Проведу день рядом с тобой, в магазине.

Доминик в моем магазине? Он распугает всех покупателей! Не говоря уже о том, что он будет постоянно мелькать у меня перед глазами, и о работе можно забыть.

— Не получится. Это будет меня раздражать. Лишний стресс и все такое.

Теперь Доминик смотрит на меня, но без прежней ярости, в светло-карих глазах лишь решимость. Он подается вперед и кладет ладонь на мою скулу, я даже не успеваю отпрянуть. Да и отпрянуть — значит, показать свою слабость, и плевать, что он наверняка слышит мой участившийся пульс.

— Тебе придется смириться с моим присутствием в своей жизни, Шарлин, и перестать все списывать на раздражение. Тем более что я чувствую, когда в тебе вспыхивает гнев, а когда — совершенно другие эмоции. — Вервольф усмехается. — Если мы будем порознь, сложно будет выполнять все рекомендации доктора. Особенно ту, где тебе нужно обязательно отдаваться на волю животных инстинктов.

Он всего лишь проводит большим пальцем по скуле, задевая ухо и прядь волос, а по всему моему телу в секунду прокатывается жаркая волна. Это ненормально, но мне дико хочется секса. С Домиником.

Бесы!

— Доктор Милтон не сказал, что мне обязательно делать это с тобой.

Доминик рычит, обхватывает меня за плечи и притягивает к себе. Так быстро и так внезапно, что я не успеваю ничего сделать.

— Никто к тебе не притронется, Шарлин, — клянется он мне прямо в губы, и я понимаю, что это действительно слово альфы. — Я не позволю.

Мой пульс не просто сбился, сердце грохочет уже где-то у горла.

— Ты снова меня раздражаешь, Доминик, — говорю я. — Больше. Так. Не делай.

По его лицо прокатывается судорога, меня возвращают на место очень медленно и осторожно. Но больше всего меня поражают его слова.

— Прости. Это больше не повторится.

— Хорошо, — киваю я. — Держи свои эмоции в узде. И домыслы тоже.

— Домыслы?

— О множестве мужчин вокруг меня. Сейчас для меня важен только ребенок.

Это правда. Мой малыш сейчас важнее всего.

— И если ты собираешься в мой магазин только затем, чтобы отпугивать от меня мужчин, то не стоит. Твои вервольфы уже всех распугали.

Доминик снова бросает на меня пристальный взгляд.

— Я проведу день в магазине только по той причине, которую озвучил. Чтобы убедиться, что ты не раздражаешься.

— Тебе разве не нужно заниматься своими делами? — снова не выдерживаю я. — Бизнесом там, обязанностями альфы, подготовкой к свадьбе, в конце концов!

— Нужно. Но наш сын важнее.

— Дочь. Это будет девочка.

— Как скажешь.

Мне хочется съязвить о том, что я не верю своим ушам, но во мне снова вспыхивает раздражение. Вот как обходиться без стрессов, когда вся твоя жизнь наперекосяк!

— То есть об Одри ты совсем не думаешь?

— Пока о ней думают и заботятся отец и альфа ее клана.

Тема Одри раздражает меня еще больше, поэтому я предпочитаю не разговаривать с Домиником до самого приезда в магазин. Работа кипит, и уже с порога видно, что Рэбел едва справляется с потоком покупателей, которые выстроились в длинную очередь к кассе. Один из вервольфов помогает ей, складывая книги в пакеты, второй занят тем, что расставляет новую партию по полкам, но при нашем появлении они вытягиваются в струну.

Кажется, неуютно будет не только мне.

— Если не передумал, — говорю я Доминику, — то можешь занять одно из кресел и наслаждаться наблюдением.

— Нет, я тоже буду тебе помогать.

— Как? Носить книги?

— Все, что попросишь.

— А если я попрошу уйти?

Приподнятая бровь Доминика лучше слов говорит, что мне от него не избавиться. По крайней мере, сегодня. И я мысленно заставляю себя смириться с этим фактом.

— Что в твоей работе тебе нравится меньше всего? — внезапно спрашивает он.

— Мне все нравится.

— Совсем все?

Теперь я понимаю, к чему он клонит.

— Поможешь с заказами.

На то, чтобы объяснить Доминику что делать, уходит минут двадцать. Он разбирается в программе заказов быстрее, чем когда-то разобралась я. Что интересно, он так быстро включается в работу и так ответственно подходит к задаче, что я понимаю — сделает на совесть. Поэтому я со спокойной душой оставляю его с ноутбуком, а сама сменяю Рэбел на кассе.

Общение с посетителями мне нравится гораздо больше! Нравится помогать с поиском и выбором нужных книг, видеть их улыбки. Стоит очереди немного рассосаться, Рэбел ожидаемо подходит ко мне и осторожно кивает на Доминика.

— Что происходит? Почему он здесь?

— Можешь не шептать, — говорю я, — он все равно нас слышит.

Рэбел выглядит смущенной.

— Все время забываю, какой у них слух. Но не уходи от

моего вопроса.

Ну и как объяснить все подруге в присутствии трех вервольфов?

— Доминик решил мне помочь перед праздниками.

— Смеешься надо мной? — У Рэбел такой вид, будто я сморозила какую-то чушь. — Правда? Я за все время работы здесь видела твоего мужа от силы пару раз. Думала, ты его не подпускаешь к магазину. А этого, получается, впустила в святая святых.

Попробуй его не впустить!

— Дэнвер сам не хотел помогать.

Это чистая правда. Муж ненавидел мой магазин и мою работу, о чем и сказал в вечер последней ссоры. Он никогда мне не помогал. А Доминик сам предложил помочь, хотя мог вообще этого не делать. Вбивал в базу и проверял зачастую раздражающие меня заказы. Еще умудрялся отвечать на вопросы посетителей, блуждающих по торговому залу. Обычно это были привлекательные молодые женщины, и тогда моя волчья суть начинала ощетиниваться. Но он их разворачивал, поэтому она сразу успокаивалась.

— Твой альфа, видимо, хочет, — усмехается Рэбел.

Из-за малыша. Он делает это не ради меня, а потому что я ношу его волчонка. Это логично. Так откуда взялось это разочарование?

К счастью, следующий покупатель отвлекает меня от подобных мыслей, работа идет своим чередом и настолько

увлекает, что я не замечаю, как Доминик ко мне подкрадывается, когда магазин снова пустеет.

— Я закончил.

— Надоело?

— Нет. Я проверил все заказы, ввел их в базу и ответил на все письма.

Я приподнимаю брови.

— Что значит — все?

— Все, что там были.

Я иду проверять, и понимаю, что он потратил час на то, что я бы делала неделю. Конечно, я все время отвлекаюсь на помощь Рэбел, на работу на кассе и на личную жизнь, но все-таки.

— Спасибо, — благодарю его искренне.

— Пожалуйста. Тебе нужно отдохнуть.

— Я еще не устала.

Во мне действительно море энергии, а сейчас только середина дня.

— Это не предложение, Шарлин. Тебе нужно сделать перерыв и поесть ради нашего ребенка.

— Ребенка? — восклицает подошедшая к нам Рэбел. — Владыка, я была права!

Я бросаю на Доминика сердитый взгляд, но он непреклонен.

— Я хотела рассказать тебе. Не так.

— Не имеет значения, как. — Потрясение подруги сме-

няется беспокойством. — Я могу тебя поздравить? Вас поздравить.

Она пристально смотрит на меня, и Доминик тоже, будто ему действительно интересно, что я отвечу.

— Да, Рэбел, можешь. Не все гладко, но я очень рада своему малышу.

Она прижимает меня к своей большой груди.

— Я так рада, Чарли! Ты как никто заслуживаешь счастья.

А я с грустью думаю, что у меня какое-то странное счастье. Или же я не умею ценить то, что есть.

— Мне нужно на обед, — говорю я.

— Конечно, — кивает Рэбел. — Не торопись. Ребенок, надо же, — последнее она бормочет себе под нос, возвращаясь к делам, оставляя нас с Домиником.

— Возьму пальто, и пойдем. Я знаю один неплохой стейкхаус поблизости. Нам с малышом там нравится.

— Ты хотела сказать — малышкой? — напоминает он о нашем утреннем разговоре.

— Да, малышкой.

Доминик набрасывает пальто мне на плечи, но выйти мы не успеваем: сначала я замечаю, как напрягаются руки вервольфа, а потом слышу его тихое, но от этого не менее угрожающее рычание.

Колокольчик сообщает о новом посетителе, и в магазин входит Хантер.

ГЛАВА 4

Я могу поклясться, что кожей чувствую, как между вервольфами пробегают искры ярости и неприятия. Они застывают друг напротив друга как хищники, готовые наброситься в любой момент. Как волки. Хотя остаются в человеческом обличии и между ними все пространство торгового зала.

К счастью, пустого! Не считая вервольфов Доминика и Рэбел.

Сейчас Хантер не считает нужным скрывать свою суть, поэтому его глаза загораются ярко-синим, и за стеклами очков это смотрится жутковато. Пальцы Доминика застывают на моих плечах, он не сжимает их, но я понимаю — мне просто не позволят двинуться с места.

— Торопишься встретить свою смерть, Бишэм? — Даже голос Доминика напоминает рычание зверя.

— Вообще-то нет. — А вот голос Хантера звучит до холодности спокойно. — Тем более что мы договорились о встрече в другом месте.

— Тогда что ты здесь забыл?

— А как же клиентоориентированность? Видишь ли, это единственный букинистический магазин в Крайтоне, где можно достать нужные мне редкие издания.

— Тебе придется доставать их где-то еще. Или заказывать доставку.

— У нас нет доставки, — шепотом отвечаю я.

— Теперь будет, — отрезает Доминик. — Я запрещаю тебе приближаться к Шарлин и ее магазину.

Историк складывает руки на груди.

— Ты не можешь мне ничего запретить, Экрот. Я не вхожу в твою стаю. Я вообще не являюсь членом ни одной стаи.

— Если хочешь дожить до нашей битвы, придется смириться с моими требованиями. Иначе я буду расценивать это так, что ты снова посягаешь на мою территорию и мою женщину.

Мне становится жутко. Прямо как в тот момент, когда я поняла, что Хантер увозит меня непонятно куда. Я не представляю, что буду делать, если они все-таки сорвутся с цепи и разнесут мой магазин. Но главное — они же могут просто поубивать друг друга!

Я осознаю, что последнюю минуту просто не дышала, и жадно втягиваю воздух ртом. Получается какой-то недостон. И неожиданно Доминик притягивает меня к себе, нежно обнимая и обволакивая собой. Это на уровне инстинктов, что-то настолько глубокое, что я не способна понять или объяснить, но я мгновенно чувствую себя в безопасности. Оп — и я будто защищена со всех сторон. Чувство такое странно, что я на время отвлекаюсь от историка, смотрю только на профиль альфы. Скоро, наверное, все изгибы и впадины на его лице выучу!

— Хорошо, — подозрительно внезапно соглашается Хан-

тер, напоминая о себе. — Я подожду. А когда выиграю бой, вернусь сюда: и в магазин, и к Шарлин.

Идиот! Специально же нарывается!

Но Доминик на этот раз не ведется на провокацию.

— Сначала выиграй, — говорит он.

Хантер обводит взглядом магазин (я только сейчас замечаю, что вервольфы Доминика подобрались и готовы наброситься на него в любой момент) и кивает:

— До встречи на ринге.

А после уходит.

Снова звякает колокольчик, но это уже две женщины, которые не имеют к историку никакого отношения. Внутри меня начинает мелко подрагивать, особенно когда Доминик отстраняется.

— Он больше не приблизится к тебе, Шарлин, — обещает он.

— Если ты выиграешь.

Я всегда была оптимисткой, но сейчас, видимо, мой оптимизм сломался. Даже представлять не хочу, что такое волчий ринг, и как будет происходить бой. Хотя это сделать несложно.

— Я выиграю.

— Он не обычный вервольф, Доминик.

— Он полукровка.

— Нет, дети имани — они как суперволки! Ты же видел, какие у него глаза. Такой будет и наша дочь.

— Даже не сомневаюсь в том, что наш сын родится сильным и могущественным волком.

Я ударяю его по плечу. Вряд ли больно, но мне просто необходимо выплеснуть напряжение.

— С тобой бесполезно спорить!

— Я уже давно тебе об этом говорю. Он ушел, так что мы можем идти.

Только на крыльце магазина вспоминаю, что я ничего не объяснила Рэбел. В последнее время рассеянность — мое второе имя. Но неудивительно, сейчас все мои мысли заняты совершенно другим!

— Доминик, когда будет ваш бой?

— Это неважно.

— Нет, важно, — останавливаюсь я прямо посреди улицы. — Помнишь, мне нельзя нервничать или раздражаться. А я буду раздражаться, если не получу ответы на свои простые вопросы!

Доминик смотрит на меня так, будто готов придушить на месте, но спустя долгую минуту отвечает:

— На встрече с Кампалой.

Так скоро?

И отговаривать его бессмысленно. Мне должно быть плевать, но мне не плевать. Наоборот, сердце сжимается от дурного предчувствия. А потом сжимаюсь я вся.

Когда делаю шаг к его машине, и низ живота простреливает болью.

Боль такая, что я не могу сдвинуться с места, и у меня вырывается:

— Ай!

Громкий такой «Ай», хотя хватило бы и тихого: Доминик в секунду оказывается рядом и подхватывает меня, не позволяя осесть на тротуар.

— Что такое?

— Малышка, — цежу я и морщусь от новой мучительной волны, теперь отдающей в поясницу. — Ай!

Доминик резко бледнеет.

— Видимо, доктор Милтон был прав, — выдыхаю. — Мне противопоказан стресс.

— Шарлин, если ты решила меня напугать, сейчас самое время признаться, — рычит вервольф.

А мне хочется ему врезать. Если бы любое движение не приносило мне столько мучения, точно бы врезала!

— Ты не альфа, ты идиот! Я таким шутить не стану!

— Великие предки, — шепчет он, осторожно поднимая меня и с ноги открывая дверь магазина.

Представляю, как это выглядит для посетителей. Но новый спазм вычеркивает из сознания остальные мысли.

— Вызови доктора Милтона, — приказывает Доминик, видимо, одному из вервольфов. — Сюда. Как можно скорее. И закрой магазин.

Меня укладывают прямо поверх стеклянных столов с книгами, с которых я пытаюсь сползти. Безуспешно, потому что

Доминик тут же возвращает меня на место.

— Они же треснут, — говорю я.

— Ничего не треснет. Тебе нужно лежать.

С последним я согласна, потому что любое даже самое незначительное движение заставляет выгибаться от боли и крепко сжимать зубы, сдерживая стоны. Я даже на бок не могу перевернуться, чтобы при этом не заорать.

— Что происходит? — надо мной склоняется Рэбел.

— Это из-за ребенка, — объясняет Доминик, подкладывая под мою голову свернутый плед. — Потому что он мой.

— Потому что ты вервольф?

— Да, еще и альфа.

Меня снова всю скручивает изнутри и накрывает страхом. Липким, жадным, затягивающим меня в беспросветную темноту. Несмотря на то, что моя малышка пришла ко мне неожиданно. Несмотря на то, что не все гладко в моей жизни и в отношениях с ее отцом. Несмотря ни на что, я всем сердцем хотела ее.

— Я не хочу ее потерять, — всхлипываю я, и чувствую, как по щекам струятся слезы.

Потому что сейчас мне страшно как никогда.

— Не потеряешь, Чарли. — Рэбел гладит меня по волосам. — Детка, дыши глубоко. Вот так. Ты справишься. Твоя малышка появится на свет, когда нужно.

— Шарлин, — говорит Доминик, и я вижу его лицо через пелену слез. — Ты сама сегодня заявила, что ты имани, зна-

чит, сможешь выносить моего сына.

— А если не смогу?

— Сможешь. Ты же альфа. Моя маленькая альфа.

Его голос звучит уверенно, и в то же время нежно, что я перестаю рыдать и прошу:

— Сделай так, как ты делал.

— Что? — хмурится он.

— Как ты делал, когда приходил Хантер.

— Но я ничего не делал.

— Тогда просто обними меня.

Больше объяснять не приходится, Доминик прижимает меня к себе, и я снова оказываюсь под его защитой. Мы с малышкой оказываемся. Это удивительное чувство, мне тепло и уютно. И даже следующий спазм не такой яркий.

Доминик укачивает меня, как ребенка, и боль постепенно сходит на нет. Низ живота по-прежнему тянет, но по сравнению с тем, что было, это ерунда. И все же Доминик не отпускает меня до самого приезда доктора Милтона. Только потом неохотно размыкает объятия и отступает в сторону.

Доктор снова меня осматривает, судя по привезенной им технике, которая сначала представилась мне двумя чемоданами, он захватил с собой маленькую лабораторию.

— Сейчас все хорошо, — обнадеживает Милтон. — Кризис миновал, но это именно то, о чем я вас предупреждал. Чрезмерная физическая или психическая нагрузка может спровоцировать выкидыш.

— Что значит чрезмерная? — интересуюсь я, стараясь сдержать рвущееся наружу раздражение. — Я сегодня вообще не напрягалась. Невозможно же вовсе не нервничать и не волноваться?

Он поворачивается к Доминику:

— А это уже вопрос к вам, альфа Экрот.

— Я позабочусь о том, чтобы она не нервничала.

Мне хочется закатить глаза, потому что я узнаю этот тон. Наверняка, готов немедленно посадить меня под колпак. Но я-то знаю, что дело не в идеальных условиях, а во мне самой. Это мне нужно взять под контроль собственные чувства и думать прежде всего о малышке. Иначе какая из меня мать? Поэтому я поглаживаю живот и мысленно прошу у нее прощения.

Доктор собирает свои чемоданчики и уезжает.

— На сегодня твой рабочий день закончился, Шарлин, — включает строгого альфу Доминик. Хорошо хоть не приказывает закрыть магазин.

— Да, тебе нужно отдыхать, Чарли, — вклинивается Рэбел. — Насчет магазина можешь не переживать — я справлюсь. У меня теперь есть мальчики, а скоро придет Лола.

— Что мне остается, если вы и так все за меня решили?

Я ворчу больше для вида, потому что после этого чудовищного приступа мне больше всего на свете хочется покушать и поспать. К счастью, мне разрешили стоять и ходить, поэтому я сажусь.

— Доминик, — прошу я, — дай мне пять минут. Я поговорю с Рэбел, а потом можешь везти меня, куда захочешь.

Я готова к спору, но он кивает:

— Я вернусь через пять минут. Не вздумай идти самостоятельно.

Как это на него похоже — раздавать приказы направо и налево. Но я напоминаю себе о спокойствии.

Стоит ему уйти, я поворачиваюсь к Рэбел.

— Кажется, я теперь редко буду появляться в магазине.

— Я уже поняла, и от своих слов не отказываюсь.

— От меня обязательная прибавка к зарплате.

— Ловлю на слове, — смеется подруга и обнимает меня.

— Спасибо тебе.

— На здоровье!

— Если возникнут какие-то вопросы…

Рэбел меня перебивает:

— Чарли, я надеюсь, он не увезет тебя в глухой лес, где не будет связи! Если возникнут вопросы, с которыми я не смогу справиться самостоятельно, я тебя наберу. Договорились?

Я киваю и с ужасом понимаю, что снова готова расплакаться.

— Это от избытка чувств, — пытаюсь объяснить сквозь слезы.

— Ты беременна, детка. У нас и не такое бывает. Уже рассказала родителям?

— Пока нет.

Не представляю, как и что им расскажу.

«Я беременна от вервольфа, так случается».

«Ваша внучка теперь сможет бегать по лесу на четырех лапах и спать на снегу».

«Скоро ее отец женится, так что нас ждет двойное пополнение семьи».

«Между нами связь, которую я не могу объяснить».

И с последним…

— Все сложно.

Видимо, пять минут закончились, потому что в магазин возвращается Доминик, и мне ничего не остается, как пожелать Рэбел удачи.

Вервольф снова подхватывает меня на руки, и я возражаю:

— Я могу идти сама.

— Уверен, что можешь. Но пусть лучше я надорву спину, чем ты опять перетрудишься.

От возмущения я даже забываю про свою просьбу.

— Ты надрываешь спину?!

— Нет, ты почти ничего не весишь. Тебе нужно больше есть.

— С этого дня ем столько, чтобы ты точно спину надорвал, когда в следующий раз решишь таскать меня на руках.

— Не настолько больше.

Доминик старается выглядеть серьезно, но уголки его губ все равно ползут вверх. Значит, издевается надо мной! По-

этому в машине я решаю отодвинуться от него и не разговаривать, и меня даже хватает минут на двадцать. Правда, ровно до того момента, когда я понимаю, что городской пейзаж сменился лесным.

Кажется, насчет «вези меня, куда хочешь» я сильно погорячилась. Мантон-Бэй явно в другой стороне.

— Куда мы едем?

— В безопасное место.

— В твой домик в лесу?

— Нет, его нельзя назвать безопасным. Случай на парковке показал, что Кампалу и Бичэма от твоего похищения не остановила даже небольшая армия вервольфов, которой я тебя окружил. Значит, они вполне способны проникнуть и на мою виллу на побережье. Я не знаю, что у них на уме, не хочу рисковать.

— Поэтому ты везешь меня в лес?

— В Морийский лес, точнее в родовое поселение. Оно принадлежит моей стае.

О поселениях вервольфов нам рассказывали еще в школе: у каждой стаи с самых древних времен были свои земли, своя территория. В современном мире границы стерлись, и теперь взрослые вервольфы могут оставаться со стаей, а могут жить отдельно, но земли стаи священны. В поселениях обычно отмечают все праздники, собирают советы. Ни один чужак не может ступить на земли стаи без разрешения альфы. Еще в самом начале нашего знакомства, Дэнвер обещал

однажды показать мне свое поселение и познакомить с родителями, но дальше разговоров это не пошло. Подозреваю, что прошлый альфа отказался допускать меня на вверенную ему территорию, а Доминик — сам закон.

Но здесь вся его стая! И родители Дэнвера!

— Доминик, я не хочу в лес. Мне туда не надо.

— Это поселение, Шарлин. Я не заставляю тебя жить в лесу буквально.

— Но там твоя стая.

— Да.

— Я не готова к новым знакомствам.

Кажется, голос выдает мое волнение, потому что Доминик неожиданно сжимает мою ладонь. Так осторожно и одновременно с этим крепко, что в меня втекает его уверенность.

— Тебе не обязательно с кем-то общаться. Ты будешь жить в доме альфы, он современный и удобный, и гораздо больше моего на Мантон-Бэй.

— Тогда почему ты сам там не живешь?

— Люблю побережье.

Почему-то у меня ощущение, что он что-то недоговаривает.

— В поселении свежий воздух, много троп для прогулок, это полезно для тебя и волчонка. Я приказал забрать твои вещи и ноутбук, сможешь закончить книгу.

— Это удар ниже пояса.

Доминик коротко улыбается, но потом вновь становится

серьезным.

— Я не смогу быть все время рядом, а если и есть место безопаснее земель стаи, мне оно неизвестно.

Разве у меня есть выбор?

Я глубоко вздыхаю и, глядя ему в глаза, интересуюсь:

— Обещаешь мне жизнь без стресса?

— Только в ближайшие месяцы.

— Почему?

— Ты слишком альфа, чтобы жить без нервов.

Подумать над тем, прав он или нет, я не успеваю, мы приближаемся к посту охраны и тут же оказываемся за высокой стеной. Я наконец-то могу рассмотреть поселение вервольфов.

Это поселение? Это маленький город!

Местность здесь гористая, поэтому аккуратные дома построены на склоне вдоль трассы, по которой мы поднимаемся. Некоторые из них старинные, похожие на те, что сохранились в старой части Крайтона, а некоторые — современные, с панорамными окнами и гаражами. На самой вершине этой пирамиды — без преувеличения огромный каменный особняк с красной крышей, выделяющейся среди укутанных снегом гор и вечнозеленых сосен. Здесь, за городом вообще много снега.

— Твой домик? — Я киваю на махину впереди.

— Теперь мой.

— Теперь?

— Это особняк альфы, переходит по наследству. Раньше он принадлежал моему дяде, а до него моему деду. И так далее. Ему больше двухсот лет.

— Там водятся призраки?

— Нет, — усмехается Доминик. — Только пыль, если ее не убирать.

Мы проехали через мост и оказались на выложенной брусчаткой площади. Ничем другим ее назвать не получилось бы.

— Площадь судеб. Здесь раньше собирались советы и альфы вершили судьбы вервольфов.

— Звучит пафосно.

— Для тех времен это было нормально. Сейчас это любимое место для прогулок, а вот на той стороне кафе и ресторан, их держат мои родственники по отцовской линии. Можешь как-нибудь сюда заглянуть.

Точно город!

Я втянула воздух в легкие и так же медленно его выдохнула. Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше я волновалась. И дело было вовсе не в призраках, а в живущих здесь вервольфах. Для такого большого поселения удивительно, что мы никого не встретили по дороге, но это не мешало мне нервничать.

Впрочем, не оценить величие и красоту особняка, на подъездной аллее которого мы остановились, я не могла. Трехэтажный, с вытянутыми окнами, светлыми стенами с фигурно выложенными камнями. Он как произведение ис-

кусства. Как музей! По крайней мере, снаружи.

— Понимаю, почему ты отказываешь в нем жить. Навскидку здесь может поместиться все поселение.

— Ты права, он слишком большой для одного, но для семьи в самый раз.

Доминик бросает на меня пристальный взгляд, но я делаю вид, что не замечаю этого. Потому что у нас с ним счастливой семьи не получится. Вообще никакой не получится.

Вервольф снова решает нести меня на руках, и сейчас я не возражаю. Во-первых, я устала, чтобы спорить. Во-вторых, на вершине горы гораздо холоднее, чем в Крайтоне, а он все-таки большой и горячий вервольф, способный согреть и меня, и малышку. Парадную дверь открывает Оуэн, и я выдыхаю с облегчением. Хоть здесь знакомые лица!

— Привет, — здороваюсь я, но вервольф остается привычно суровым.

Мне бы еще в эту глушь Венеру, и все будет замечательно.

— Я могу одолжить у тебя ассистента? — интересуюсь у Доминика, который несет меня вглубь дома.

— Обсудим это позже.

— Почему не сейчас?

Мой слух наконец-то улавливает голоса. Множества голосов. Издалека этот звук напоминает осиный рой, но чем ближе он становится, тем ярче я начинаю различать человеческие голоса. Человеческие ли?

Я даже забываю рассматривать интерьер, а Доминик уже

останавливается возле высоких двустворчатых дверей. Останавливается только для того, чтобы еще один вервольф распахнул их перед нами.

Мы оказываемся в большом зале, и я получаю ответ на свой вопрос, куда подевались все поселенцы. Кажется, здесь собралась вся стая — мужчины, женщины, дети. Все они единодушно замолчали и посмотрели на нас.

На меня.

Готова поклясться чем угодно, в меня впились взгляды всех присутствующих. Любопытные, удивленные, яростные, неприветливые. Представляю, что они все думают! Какого беса их альфа притащил к ним человека?!

— Это ты называешь без стресса? — интересуюсь я надтреснутым шепотом, который, наверное, в такой тишине звучит с мощью отбойного молотка.

Доминик ставит меня на пол, но продолжает обнимать. Честно, лучше бы за спину задвинул! Так хотя бы все смотрели на него, а не на меня.

— Ты в безопасности, — сказал Доминик, касаясь губами моего уха, а потом обратился к вервольфам: — Приветствую тебя, стая.

— Приветствуем тебя, альфа, — ответили они в один голос, очевидно соблюдая какой-то ритуал.

— Эта женщина — моя, и она носит моего волчонка.

По толпе пронесся недоверчиво-удивленный гул, и я их понимала. Сама бы раньше не поверила.

— Да, такое возможно, это подарок волков-предков. Ее зовут Шарлин и теперь она будет жить в моем доме как член стаи.

Я покосилась на Доминика и едва удержалась, чтобы не наступить ему на ногу. И то исключительно потому, что мы с ним были в центре внимания. Я не соглашалась жить в стае! Я вообще не должна присутствовать на этом собрании.

— Любое оскорбление, любой нанесенный ей вред будет приравниваться к оскорблению мне, и отвечать вы тоже будете передо мной по нашим волчьим законам. Если кто-то не согласен с моим решением, пусть скажет это сейчас.

Теперь настала моя очередь вглядываться в незнакомые лица. У мужчин в большинстве своем они были суровые и хмурые, а у женщин — удивленные и сосредоточенные. Только волчица в первом ряду, смуглая и высокая, открыто мне улыбалась. Я неуверенно улыбнулась в ответ, скользнула взглядом к стоящим возле ближайшего окна вервольфам и узнала в немолодой, но по-прежнему красивой паре родителей бывшего мужа.

Кримсон и Анна Брайс. Я знала их в основном по фотографиям, и помнила по одной-единственной встрече. Когда они пытались уговорить меня бросить Дэна и отказаться от нашей свадьбы, проще говоря — пытались откупиться. Потому что я была недостойна их сына, из-за меня его прогоняли из стаи. Я тогда была не слишком вежлива, послала их к бесам, и больше мы не встречались. Но вряд ли их отно-

шение ко мне изменилось.

Они даже не позвали меня не похороны Дэнвера, а Доминик предлагает мне жить с ними на одной закрытой территории. Как он это представляет?

Впрочем, когда Доминик поинтересовался:

— Все меня услышали?

— Да, альфа, — вервольфы ответили единодушно, в том числе и родители Дэна.

Доминик удовлетворенно кивнул, снова подхватил меня на руки и понес назад. Правда, в холле свернул не к выходу, а к широкой лестнице, расходящейся рукавами и уводящей на второй и третий этажи.

Я молчала.

Я честно молчала на второго пролета лестницы. Мысленно напоминала себе о волчьем слухе, и о том, что вряд ли стая начнет меня воспринимать дружелюбнее, если я начну нецензурно орать на их альфу. Но по дороге на третий этаж, я поняла, что меня порвет на маленькие сувенирные флажки с празднования Дня освобождения Крайтона, если я не скажу этому мохнатому все, что думаю!

— Доминик, — рычу я, — жизнь среди вервольфов — это совсем не то, что прописал мне доктор!

— Нужно было познакомить тебя со стаей, Шарлин. Теперь все позади, и ты можешь отдохнуть.

В подтверждение своих слов он внес меня в большую спальню и усадил в ближайшее кресло. Сесть мне, действи-

тельно, не помешало бы. Тем более кресло оказалось таким мягким, что я в нем почти утонула.

— Отдохнуть? Да я теперь буду бояться дышать!

— Бояться?

— Да, бояться вервольфов, которые считают, что мне здесь не место.

Доминик склонился надо мной и положил руки на подлокотники, так, что наши лица оказались на одном уровне.

— Шарлин, ты боишься Венеры?

— Нет.

— А Оуэна?

Я задумалась, но поняла, что мой большой и неулыбчивый телохранитель не вызывает во мне страха.

— Тоже нет. Но я догадываюсь, куда ты клонишь. Венера и Оуэн не тоже самое, что огромная стая вервольфов.

— Это моя стая, — напоминает Доминик. — Они давали клятву слушаться меня во всем. И теперь они будут слушаться во всем тебя.

— Потому что я ношу твоего волчонка?

— Потому что ты моя женщина.

— Кстати, о женщинах. Как скоро здесь появится Одри?

Доминик прищуривается и подается вперед, так, что мы едва не соприкасаемся носами. Мне хочется отодвинуться, но отодвигаться просто некуда, можно только сползти вниз по спинке кресла. Его звериная суть давит, но еще больше на меня давит собственное некстати вспыхнувшее желание

податься вперед.

— Разве тебя не раздражают разговоры про Одри? — спрашивает он.

— Очень раздражают.

— Значит, не будем о ней говорить.

Все так просто?!

— Ты боишься ответить на простой вопрос?

Я хочу задеть Доминика, так же сильно, как он задевает меня. Сделать ему больно, но он даже носом не ведет.

— Боюсь? Нет, Шарлин. Я думаю, ты просто еще не готова услышать мой ответ.

— И что это значит, бесы тебя забери?! — рычу я.

— Я расскажу тебе позже, — обещает этот образец мужской невозмутимости. — Тебя устраивает твоя комната?

Устраивает ли меня комната?!

Он выпрямляется, а я теперь рычу натурально. Так, что все волки в округе, должно быть, умерли от зависти! Я взвинчиваюсь с кресла пружиной, бросаюсь на Доминика и колочу кулаками по его твердой груди, царапаюсь и кусаюсь. Рвусь на свободу, когда он перехватывает меня за талию. Тогда я ударяю со всей силы, и Доминик падает на пол, а я падаю вместе с ним. На него.

Ощутимо ударяюсь коленом, но это, наверное, ничто по сравнению с тем, что чувствует этот мерзавец, когда я бью его в живот. До усталости, до ответной боли в ладонях и кулаках, до сбившегося дыхания. Ему должно быть больно.

Больно. Больно!

Я выдыхаю последний хриплый рык и только сейчас осознаю, что Доминик не сопротивляется: он осторожно удерживает меня, но кажется, больше для того, чтобы я в своем яростном желании ему навредить сама себя не стукнула. И желание вредить даже ему как-то резко пропадает. Это как бить ногами связанного. Хотя он не связан, и ногами я его не била, но все равно уже не то.

Тогда сдуваю прядь волос, упавшую на глаза, и вижу, что Доминик улыбается. Не просто улыбается, тихо смеется.

— Какого беса тебе весело?

— Ты великолепна! — говорит он, приподнимаясь на локтях.

— Как это понимать?

— Когда злишься, ты превращаешься в настоящую волчицу.

— Я не волчица!

— По поведению и не скажешь.

На это мне ответить нечего, потому что в последние минут пять я вела себя не просто как волчица, как очень агрессивная волчица. Владыка, в кого я превращаюсь?!

— Почему ты дал себя ударить?

— Потому что тебе это было нужно.

Мне действительно это было нужно. Но это совсем не ответ на мой вопрос.

— У тебя царапина на скуле. — Я провожу пальцами по

его щеке, слежу за этой линией, чтобы не смотреть Доминику в глаза. Потому что вместе с осознанием своей вспышки меня накрывает стыдом.

— Ерунда, к вечеру затянется.

Ну да, для него мои удары — наверное, как готовить и порезаться ножом. Неприятно, но жить можно. А для меня… Это я его так укусила?!

— Шарлин, посмотри на меня, — просит Доминик, но мое внимание полностью поглощено следами зубов у него на шее, наливающимся кровоподтеком.

— Я веду себя как какая-то зверюга.

— И это невероятно возбуждает.

Теперь я смотрю на него. Недоверчиво так смотрю.

— Тебя возбуждает, когда тебя бьют?

— Меня возбуждаешь ты. — Доминик позволяет ладоням сползти на мои бедра и вжимает меня в свой пах. Учитывая, что моя юбка давно задралась, я чувствую это очень ярко, и мое дыхание снова сбивается. — Такая воинственная, необузданная и сидящая сверху.

— Знаешь, в такой позе сложно тебе не поверить.

Мы смотрим друг на друга одну долгую секунду, а потом просто сталкиваемся. Телами. Руками. Губами. Мы целуемся так же яростно, будто мы изголодавшиеся волки. Жадно, сильно, страстно. Меня ведет, и по телу растекается огонь, грозящий поглотить меня целиком. Еще немного, и остановиться будет сложно, поэтому я отстраняюсь.

— Нет, я не могу так.

— Можешь. — Голос у Доминика хриплый и спокойный, но я чувствую, что контроль дается ему так же сложно, как и мне. — Отпусти себя наконец, моя маленькая альфа.

— Не смей меня так называть! — снова рычу я и кусаю его за нижнюю губу. От ответного стона у меня мутится сознание.

Все к бесам! Мне это даже доктор прописал!

Я дергаю за пуговицы на его рубашке, и, кажется, с парочкой расправляюсь сама, остальные отлетают стараниями Доминика от единого рывка. Моей водолазке везет больше, ее просто стягивают через голову. По обнаженной коже бежит прохлада, но это ничто по сравнению с жаром большого сильного волка. Пока Доминик расправляется с молнией на брюках, я глажу его грудь и живот, чтобы хоть немного успокоить грохочущее в груди сердце. Потому что нам уже не до прелюдий. Я хочу его так, что снова готова рычать.

Мой волк это чувствует, потому что дальше совсем не церемонится: просто двигает кромку нижнего белья в сторону и входит в меня. Плавно. Слишком плавно для того, чего хочется мне. Тогда я приподнимаюсь и насаживаюсь на него сама, задавая собственный ритм.

— Не торопись, — уговаривает он, хотя я чувствую, что я его тело под моими ладонями напряжено до предела.

— Мне можно. — Я ловлю его дикий взгляд. — Нужно. Я так чувствую.

И Доминик отпускает меня, позволяет вести, наращивая темп. Врезаться в него, царапать грудь теперь не от ярости, а от звериного желания быть с ним единой.

Мгновение — и от наслаждения скручивает все тело, перед глазами темнеет. С моих губ срывается долгий стон, и одновременно с ним я слышу рык Доминика.

Я падаю ему на грудь, меня всю колотит, а по телу продолжают разливаться волны удовольствия. Такого со мной не было. Такого я не чувствовала за всю свою жизнь. Ни с другими мужчинами, ни даже с Домиником.

Это из-за беременности? Или…

Доминик напрягается раньше, чем я успеваю услышать шаги на лестнице.

— Кажется, у нас гости.

Хочется пожелать гостям возвращаться туда, откуда пришли. Потому что Доминик выглядит так, будто я его изнасиловала: искусанным и исцарапанным, а я… Даже представлять боюсь, как я сейчас выгляжу.

После быстрого секса.

После быстрого страстного секса на полу.

Тут нет зеркал, но губы горят от яростных поцелуев, соски снова сморщились, на этот раз от прохлады, а юбка задралась до длины мини.

Впрочем, Доминик ловко перекатывается на бок, поднимается и увлекает меня за собой. Ему хватает несколько секунд, чтобы стянуть с себя рубашку и накинуть мне на пле-

чи, а после застегнуть молнию на брюках.

Незваный гость ступает мягко и осторожно, останавливается за дверью: он явно в курсе того, что между нами произошло, и вежливо ждет, когда мы приведем в себя в порядок. Хотя мое мнение — был бы он вежливым, остался бы внизу!

А вот мягкость и осторожность наводит на мысли, что с той стороны волчица. Понятия не имею, откуда у меня эта уверенность, но почему-то не оставляет эта мысль. Интересно только, кто она.

Вряд ли мать Дэнвера. Судя по взгляду, который я поймала внизу, она меня по-прежнему на дух не выносит.

Одри? Она не из этой стаи, да и вряд ли бы сейчас церемонилась. Скорее бы ворвалась в спальню в самый разгар процесса.

Кто-то из бывших Доминика?

Об этом я раньше не задумывалась, а вот сейчас задумалась и захотелось покусать его еще больше. Только этого не хватало!

Я влезла в рукава рубашки и завязала ее узлом на животе: получилось так себе, но кто бы там ни был за дверью — сам виноват. Или виновата. Почему-то в голову пришла странная мысль, что это теперь моя территория. И эта спальня. И этот дом. И этот мужчина.

Додумать ее я не успела, потому что Доминик приказал:

— Входи.

Дверь приоткрылась, и в спальню скользнула смуглая вол-

чица. Та самая, что улыбалась мне в зале.

— Альфа? Не помешала?

— Здравствуй, Клара.

Сложно сказать сколько ей лет: волчицы всегда выглядели моложе человеческих женщин, но я бы дала не больше тридцати. Яркая и красивая, она мне напомнила Венеру. Только в отличие от ассистента Доминика, Клара смотрела прямо. Кажется, ее не смущала ни нагота альфы, ни мой вид. Интересно, почему?

— Представьте меня, пожалуйста, — попросила Клара.

Доминик привлек меня к себе, и на этот раз я не возражала. Несмотря на улыбку, я не собиралась доверять красивым волчицам.

— Шарлин, это Клара.

— Одри тут точно лишняя, — заметила я.

— Клара — супруга моего дяди. Когда я стал альфой, она отказалась покинуть поселение вместе с ним и осталась следить за домом.

Того самого дяди, который бывший альфа?

Я посмотрела на Клару по-другому. Значит, она волчица альфы, пусть даже бывшего. Тогда это вполне объясняет ее бесцеремонность. Объясняет, но не оправдывает. У стаи новый вожак.

— Я рада, что больше мне не придется за ним следить. Как вижу, у дома теперь новая хозяйка. Поздравляю. В том числе с малышом. Это действительно чудо!

— Я не…

— Благодарю, — перебивает меня Доминик, и посылает мне предупреждающий взгляд. — Но ты поднялась сюда не для знакомства.

Клара снова улыбается.

— Вообще-то меня прислала стая. Когда ты приказал всем приехать для срочного собрания, никто не знал, что думать. Новость про беременность твоей женщины стала для всех полной неожиданностью. Стая растерялась и совсем забыла о традициях.

— Традициях? — хмурится Доминик.

— Традиционном знакомстве, — кивает волчица. — Все семьи хотят познакомиться с ней, поздравить и устроить праздник в ее честь. Пока все не разошлись, я могу передать твое решение.

Праздник? В мою честь? Ни за что! Мне хватило собрания!

Но все здесь решает альфа, так что я вскинула голову, всматриваясь в лицо Доминика.

— У Шарлин достаточно непростая беременность, — объясняет он. — Думаю, ей не до празднований. Но так как праздник в ее честь, то решать тоже ей.

Вот же... волк! С одной стороны, предоставил мне выбор, с другой — перевел на меня стрелки. А если откажусь, стая меня невзлюбит?

— Решение нужно принять сейчас? — интересуюсь я и

наталкиваюсь на еще одну хитрую улыбку Клары.

— Я не тороплю, — пожимает она плечами, — но сейчас вся стая в сборе. Впрочем, если нет, то неважно, когда они узнают.

Тут до меня доходит, к чему все это, и почему Клара не могла подождать час или два, или день, чтобы заявиться к нам с Домиником.

Это проверка!

Как с новичком в сплоченном коллективе.

Альфа представил стае свою женщину, и стая хочет знать, кто она такая.

Кто я такая.

Я могу отказаться. Я здесь задержусь в лучшем случае на несколько месяцев, так зачем разводить танцы с волками? Но в прямом взгляде Клары вызов. Она ждет, что я дам слабину, и тогда стая отнесется ко мне, как к очередной любовнице альфы, не стоящей их внимания. Не стоящей его внимания.

На самом деле мне не нужно их внимание. Я здесь для того, чтобы переждать в безопасности. Чтобы отдыхать и ни с кем не общаться. Чтобы малышке было хорошо. Но этот вызов нереально раздражает. Именно он не позволяет мне послать всех лесом.

— Хорошо, — киваю я. — Пусть будет знакомство и праздник. Если, конечно, возьмешься все организовать. Как понимаешь, для меня это сейчас слишком утомительно. К

тому же, я не знаю обычаев.

Глаза волчицы вспыхивают, подтверждая мою догадку о проверке.

— Отлично. Тогда передам всем, что празднику быть. До встречи. Рада была познакомиться.

Вот тебе и спокойная беременность!

Клара уходит, а Доминик подхватывает меня на руки и несет к кровати.

— Эй-эй, полегче.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Не помешало бы, — соглашаюсь я. Тем более, стоит головой коснуться подушки, у меня начинают смыкаться глаза. Из меня будто все силы выкачали. А ведь сейчас еще только середина дня!

— Ты все правильно сделала, маленькая альфа.

— Ты еще скажи, что гордишься мной, — ворчу я.

Доминик, кажется, что-то отвечает, но я уже проваливаюсь в сон.

ГЛАВА 5

Просыпаюсь я от зверского голода. За окном уже стемнело, и спросонья я не могу вспомнить, где нахожусь. Обстановка комнаты не похожа ни на мою спальню, ни на спальню Доминика. Комната очень большая, если не сказать огромная, а кровать, на которой я лежу, просто гигант: на такой только оргии устраивать. Но я умудрилась во сне заползти в самый центр. Или меня «заползли». В смысле, положили и даже стянули обувь.

Теперь живо вспоминается и моя драка с Домиником, и яростный животный секс после, и мое согласие на вечеринку для вервольфов. Поэтому я со стоном утыкаюсь лицом в подушку.

Вот кто меня за язык тянул? Нужно было просто отказаться! Но дело сделано, и эта Клара наверняка уже готовит вечеринку.

Впрочем, долго рефлексировать у меня не получается, потому что желудок напоминает, что обед мы благополучно пропустили, а голодать мне сейчас никак нельзя.

Включив прикроватный светильник, я привожу себя в порядок перед зеркалом в полный рост: поправляю рубашку и юбку, пытаюсь расчесать волосы пальцами. В конце концов, бросаю это занятие и надеюсь, что вечеринка назначена не на сегодня.

Теперь я могу получше рассмотреть обстановку дома, хотя он больше напоминает замок. Для начала тут все массивное: мебель, рамы картин и зеркал на стенах, лестничные перила. С поправкой на большие комнаты и коридоры все это выглядит вполне гармонично, но ощущение, что тот, для кого строили особняк был гигантом, не проходит.

Я понятия не имею, где Доминик, но надеюсь, что он не бросил меня здесь одну, а если и бросил, то с холодильником, забитым продуктами. Мне сложно для себя определиться, хочу я после всего видеть Доминика или нет, но холодильник с продуктами точно хочу. Еще бы выяснить, где здесь холодильник, то есть кухня. Главный недостаток дома-музея — отсутствие указателей, но я решаю положиться на логику и спуститься на первый этаж.

Если зал для собраний и вечеринок здесь, значит, рядом должна быть и кухня. Не станут же нести закуски через весь дом? Рядом, но не впритык, иначе запахи кухни распугают всех гостей с хорошим обонянием.

Поэтому я возвращаюсь по тому пути, которым мы пришли с Домиником, и шагаю дальше. Я оказываюсь права, потому что, завернув за угол, улавливаю божественный аромат тушеного мяса и пряностей. К тому же, в конце коридора меня ждет сам альфа в том виде, в котором мы расстались: без рубашки и в царапинах.

При виде такого Доминика мне хочется развернуться и бежать куда глаза глядят, потому что во мне снова вспыхива-

ет желание завалить его на первую попавшуюся поверхность. Будто еще пару или сколько там часов назад мы не трахались как впервые дорвавшиеся до секса подростки. Я едва подавляю в себе этот порыв.

Нет, так нельзя.

Все закончилось в ночь моего похищения, а точнее, в то утро, когда сам Доминик отказался и от меня, и от нас.

Так что я сжимаю кулаки и сосредотачиваюсь на голоде.

Кухня, в отличие от дома, современная, с длинным столами из черного камня, вытяжными шкафами и множеством разнообразных бокалов, подвешенных вверх ножками.

— Как настроение? — интересуется он, когда я подхожу.

— Я сейчас готова съесть даже тебя, если не покормишь.

Доминик усмехается и кивает на стол.

— Перенесем мою дегустацию на конец ужина.

Его намек даже намеком назвать нельзя, поэтому я понимаю, что нужно сразу расставить точки над i.

— Я знаю, что доктор прописал мне секс, и это вроде как полезно для моих гормонов и для развития малышки, но это больше не повторится.

Глаза Доминика сверкают желтым, он плотно сжимает губы, но тут же расслабляется.

— Никакого секса? — уточняет он, когда я занимаю место на высоком стуле и наблюдаю за тем, как вервольф ловко раскладывает мясо и овощи по тарелкам. — Почему? Почему ты так серьезно относишься к сексу, Шарлин?

— Видимо, недостаточно серьезно. Иначе бы я не залетела как глупая малолетка, которая не знает, откуда дети берутся.

— Ты жалеешь?

— О том, что я была дурой? — фыркаю я. — Да.

— О том, что носишь моего сына.

— Что? — Я вскидываю голову. — Конечно, нет. Это моя дочь!

Доминик почему-то на этот раз не спорит, кивает и приступает к еде. Я тоже не отстаю, от нежного вкуса говядины и ее сочетания с ягодным соусом хочется мурлыкать от восторга.

Как же вкусно!

— Ты не ответила на мой вопрос.

Ну вот зачем портить такой прекрасный ужин ненужными разговорами?

— Насчет секса?

— Насчет секса.

Я делаю вид, что подбираю слова, но тут и подбирать нечего.

— Для меня секс — это нечто большее, чем животная страсть для здоровья и поднятия настроения. Поэтому наша сделка изначально была для меня неправильной.

— Теперь мы не связаны никакими сделками.

— Но ты снова хочешь заставить меня заниматься с тобой любовью!

Я готова откусить себе язык за такую оговорочку, поэтому быстро поправляюсь:

— Хотела сказать — сексом.

— Любовью, — задумчиво повторяет Доминик. — Я всегда думал, что ты боишься свободы. А ты боишься того, что я буду о тебе заботиться? Или же… Боишься, что я однажды перестану это делать? Оставлю тебя. Как это сделал Дэнвер.

— По-моему, разговоры за едой — очень плохая идея.

— А по-моему, в наших с тобой отношениях не хватает откровенности.

— У нас нет никаких отношений, нас связывает только ребенок.

— Есть, — отрезает Доминик. — И ты все время пытаешься их усложнить.

— Ха! Зато у тебя всегда все просто!

— Я не Дэнвер, — говорит он. — Я сказал тебе об этом еще в тот вечер на веранде, когда мы впервые поцеловались.

— Поправочка — ты меня поцеловал, я была против.

— Ты всегда была против меня. Всегда остерегалась, потому что чувствовала то же самое, что и я.

Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза:

— Чувствовала что?

— Опасность.

— Опасность?

— Опасность, что стоит поддаться этому притяжению, оно тебя поглотит.

Значит Доминик чувствует то же самое, что и я? Это дикое желание, раздирающее изнутри. Эту одержимость. Эту опасность. Если да, то нам стоит держаться друг от друга как можно дальше, а не жить под одной крышей.

— Ты прав. Опасностей стоит избегать. На то они и опасности.

Я кладу вилку на стол, вроде бы спокойно, но она все равно противно звякает о камень.

— Я наелась и возвращаюсь к себе в комнату.

Поднимаюсь, и Доминик поднимается за мной следом. Я не успеваю и шага ступить, как он оказывается рядом и всем телом прижимает меня к столешнице.

— Ты даже не попробовала десерт, — шепчет он мне в губы, и меня ведет.

— Малышке не нравятся сладости.

— Эта сладость ей точно понравится.

Он хочет меня поцеловать, или это я хочу его поцеловать?

— Доминик, не нужно, — упираюсь ладонями ему в грудь, и тут же понимаю свою ошибку: прикосновение кожа к коже обжигает.

Наши взгляды встречаются, и я замечаю, как меняет цвет его радужка. От светлого медового до ярко-желтого, и обратно. Вижу, как яростно бьется жилка на лбу. Как гулко отзывается сердце волка под моей ладонью.

— Я ничего не знаю про имани, — говорит он, — но в тебе явно живет волчица, которую ты все время подавляешь.

Маленькая альфа, которая так мне нравится.

Он подается вперед и касается щекой моей щеки.

— Что ты делаешь со мной, Шарлин? Ты разрушаешь все мои барьеры. Заставляешь переступать через все принципы.

Делаю я?! Да я бы вообще ничего с ним не делала!

— Вроде тех, когда ты привез меня в дом альфы и представил стае?

— И это тоже, — соглашается он. — Ты имеешь надо мной власть. Ты — моя слабость. Я не могу отпустить тебя, сколько раз не пытался. Не могу забыть. Убеги ты от меня на край света, я нашел бы тебя по следам. Так может, хватит этому сопротивляться?

Последнее, что мне сейчас хочется — сопротивляться. Хочется податься вперед, целовать его, зализать все царапины и синяки. Вместе с этим принять все, что Доминик говорит. Без условий и условностей. Быть счастливой. Быть счастливыми втроем.

Я поддаюсь этому наваждению и тянусь к Доминику, но тихая мелодия разрушает момент.

Вервольф рычит и в мгновение оказывается возле панели коммуникатора, вмонтированную возле двери.

— Альфа, приехал прим Конелл. Говорит: что-то срочное.

Отец Одри?

— Пропустите.

— Хорошо.

Охрана отключается, Доминик поворачивается ко мне.

— Если хочешь десерт, он в холодильнике. Я присоединюсь к тебе позже.

Доминик уходит, а я выдыхаю и, прикрыв глаза, прислоняюсь к столу.

Не знаю, чего во мне больше: облегчения или разочарования. Этот разговор между нами — лишний. И его признание тоже. Они заставляют меня терять разум, самостоятельно разрушать границы, которые я так старательно выстраиваю между мной и ним.

Доминик прав лишь отчасти. Я боюсь не того, что он прекратит заботиться обо мне или о малышке, я сама способна о ней позаботиться. Я не хочу, чтобы он снова разбил мне сердце. Сердце, которое никак не восстановит свой нормальный ритм, несмотря на то, что вервольф давно ушел.

Я делаю вдох-выдох в попытке успокоиться.

Еще.

На третий раз бросаю это дело и решаю вернуться в спальню. Электронные часы на панели показывают половину девятого, поэтому ложиться спать еще рано, но я могу попробовать написать главу или осмотреться и выяснить, где в этом доме ванная.

Интересно, что понадобилось отцу Одри в такое позднее время? Заскочил в гости по пути домой? Ага, в закрытое поселение далеко за городом! Я бы сейчас половину магазина отдала за то, чтобы послушать, о чем они говорят! Но даже

если предположить, что я узнаю, где они с Домиником разговаривают, то вряд ли мне удастся подойти незаметно и подслушать хотя бы слово. Я, конечно, благодаря беременности овервольфилась или правильнее будет — обиманилась, но не настолько, чтобы двигаться бесшумно.

Поэтому мне остается только смириться с этим фактом и думать о книге. А еще о более короткой дороге в спальню. Должна же тут быть более короткая дорога! Или о том, чтобы на моем месте сделала книжная героиня? Наверняка, не стала бы отказываться от идеи узнать хоть что-нибудь.

Я возвращаюсь уже знакомым путем, но в холле притормаживаю, потому что натыкаюсь взглядом на двух вервольфов, застывших столбами по обе стороны от парадного входа, и смутно знакомую рыжую девицу в длинной белой шубе.

Отступить назад я не успеваю: вервольфы синхронно поворачивают головы в мою сторону, рыжая тоже оглядывается.

— Шарлин? Привет!

Только теперь я узнаю в ней любовницу прима Конелла, с которой мы познакомились в клубе альф. Тогда она была без шубы и улыбалась искренней. Но вот то, что шуба до сих пор на ней — знак хороший. Значит, отец Одри не собирается задерживаться надолго.

— Добрый вечер, Элис.

Рыжая снова улыбается, но как-то натянуто, и продолжать разговор явно не спешит. Я по клубу помню, что Элис — лю-

бительница поговорить и пораздавать всем советы, так что изменилось сейчас?

Развлекать гостей в мои обязанности не входит, но может, Элис все-таки расскажет что-то интересное. Поэтому я вежливо интересуюсь:

— Вы с примом Конеллом к нам по делам?

— К нам?! — хмыкает любовница. — Ричард приехал к Доминику. Из-за тебя.

Интересный поворот!

— Из-за меня? — переспрашиваю.

— Да, из-за твоей беременности и ее невозможности.

— Невозможности?

Чувствую себя глупо, повторяя за ней слова, но ничего не могу с собой поделать. Не знаю, злиться мне или смеяться

Элис нервно поправляет волосы.

— Ты не можешь быть беременна от вервольфа.

— Но я беременна. — Я складываю руки на животе. — От Доминика.

— Ты человек.

— Это чудо, — повторяю я слова Доминика из его речи перед стаей.

Элис качает головой.

— Неважно. Старейшины уже потребовали тест ДНК, так что правда все равно выйдет наружу.

— Мне скрывать нечего. — Я хмурюсь, хотя какой, к бесам, тест ДНК? — Какое отношение старейшины имеют к

моему ребенку?

Взгляд Элис становится сочувствующим.

— Самое прямое. Рождение этого ребенка нарушит все столетиями устоявшиеся законы вервольфов. Если любовницы начнут рожать от вервольфов, то надобность в волчицах отпадет. А с появлением на свет полукровок их раса начнет вырождаться.

— Какой бред!

Какие-то вервольфы, которых я в глаза не видела, требуют от меня анализы. Да пошли они!

Память подсказывает слова Хантера о том, что он не подчиняется ни одному альфе.

— Мой ребенок не полукровка, но так как я не состою ни в одной стае, то волчьи законы ни на меня, ни на него не распространяются.

— Тебе придется выбрать стаю, если хочешь, чтобы он вырос среди волков. Не эту, конечно.

— Почему не эту? — Я приподнимаю брови. — Это стая его отца.

— Именно поэтому придется отдать его на воспитание в другую стаю. Чтобы избежать соперничества.

— Чьего соперничества?

— Детей и женщин, конечно же. Доминик слишком тобой увлекся, но такой сильный альфа должен оставить после себя сильное потомство, а значит, ему нужно жениться на Одри. В любой стае статус женщины альфы принадлежит жене.

Волчице. Жены должны оставаться женами, любовницы — любовницами. Одни для продолжения рода, другие для души и удовольствия. Так сохранится порядок.

Кто вообще рассказал о моей беременности этим старейшинам? Сомневаюсь, что Одри, иначе ее отец приехал бы гораздо раньше, а не в день моего знакомства со стаей Доминика. Значит, кто-то из желающих устроить вечеринку. Вот тебе и стая! Сама преданность и честность. Очень надеюсь, на праздник в мою честь старейшин не позовут, потому что им я точно не буду рада.

Мне хочется рычать. Хочется послать всех куда подальше, но вместо этого я холодно интересуюсь:

— Значит, прим Конелл приехал, чтобы удостовериться, что Доминик не передумал насчет свадьбы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.